

И. Ю. КОБЗЕВ

АТЛАНТИДА ПЛАТОНА

(Роман философа)

České Budějovice

2016

Посвящаю роман моей любимой жене

И.К.

Глава первая: Диалог Платона

Атика. Берег моря недалеко от Афин. Конец весеннего месяца Мунихиона. Полдень. Солнце припекает уже по-летнему, но порывы ветра с моря приятно охлаждают кожу. Волны тяжким ритмом гомеровского гекзаметра рассказывают свою вечную поэму. У самой кромки прибоя на камне сидит человек и что-то чертит прутиком на гладкой поверхности песка, вылизанного волнами. Он обнажен до пояса и с видимым удовольствием подставляет спину лучам солнца. Он стар, но тело его сохраняет следы былой мощи в плечах и спине. Лицо его кажется несколько плоским и потому широким из-за свернутого в молодости носа. Это лицо боксера или борца с уже седой бородой и сильной проседью в волосах. Но свирепый облик мгновенно преобразается, когда вы увидите его глаза, нежные и задумчивые, напоенные морской лазурью. В их взгляде бьется живая мысль, делающая его лет на сорок моложе тела. Сейчас этот взгляд сосредоточен на конце прутика, рисующего на песке тетраэдр. Губы старика бормочат: - Так, четыре вершины, четыре грани и шесть ребер. И один объем. А в треугольнике? – три ребра, три вершины и одна плоскость. Так, а еще вниз: у отрезка две вершины и одна длина. Получается, что если складывать единицу самой большой размерности фигуры с количеством ее младших границ, то получаем количество младших границ у более многомерной фигуры. Ну-ка. Ну-ка...

Старик записывает с столбик числа рядом с изображениями тетраэдра, треугольника и отрезка.

- Ну да! А три вершины треугольника плюс три его ребра дают шесть ребер тетраэдра! Тут явная закономерность! Причем, кажется, ее можно записать в виде треугольника из чисел. Ну-ка, ну-ка...

Он начал записывать числа, но в это время очередная волна с тяжким вздохом ухнула на берег и обняла пенным кружевом ноги старика и его рисунки. Когда пена схлынула, поверхность песка оказалась девственно чиста. Старик усмехнулся:

- Боги завистливы, это известно. Вот и Посейдон не дал мне додумать мысль, послал своего коня. Но ум человеческий - не песок, в нем мысль не сотрешь так просто. То что я вспомнил раз, вспомнится еще неоднократно, потому что идея хранится не в голове. Не в голове! А где?

Он обвел взглядом сверкающие на солнце изумрудные валы, увенчанные белыми гребешками, скалы и камни, одетые пеной, заросли фиговых деревьев и платанов, вываливших из ущелья навстречу морю свою зеленую жизнь. И небо, бездонную чашу лазури, накрывшую весь этот сверкающий мир.

- Да, все это здесь, во всем этом мире. И может быть он непрерывно рассказывает нам о своих тайнах, вот хотя бы шумом прибоя, или криком чаек, а нам кажется, что он нем и бессмыслен, потому что мы просто не умеем слушать.

Кусты цветущего олеандра за камнями мотали розовыми соцветиями, то соглашаясь со стариком, то противореча ему. За кустами поднимался обрыв, на краю которого выстроились в ряд почти черные на фоне сверкающего неба кипарисы. Среди них промелькнула фигурка человека. Старик прищурился. Человек шел быстро, высоко по-птичьи поднимая ноги. Он вообще походил на взерошенную птицу – на журавля скорее всего. Ветер вздымал его гиматий как крылья, делая фигуру спешащего человека еще более неустойчивой. Вот он вышел на тропинку, ведущую вниз, и стал спускаться к морю. Тут старик окончательно узнал его:

- Никак Аристотель? Нашел-таки меня. Сейчас подойдет и начнет канючить: «Учитель, я с тобой не согласен». Все-таки он редкая зануда. И дурак. Как странно – умный ведь человек. Никогда бы не подумал раньше, что такой ум может встречаться среди людей. Кажется нет такой вещи, особенно в живой природе, которую бы он не знал. А неумен. Многознающий дурак. Вот бы Сократ обрадовался такому экземпляру, если бы дожил. Он любил смеяться над такими. Потому что у них вместе с умом начисто отсутствует и чувство юмора. Серьезны, как смерть. Они чужие на этом празднике жизни. Хотя, глядя на него, не скажешь, что он чужд земных радостей.

Путник подошел уже совсем близко и можно уже было подробнее рассмотреть его одеяние. Дорогое одеяние: хитон и гиматий по краю были вышиты пурпурным меандром. На руках посверкивали перстни в количестве неуместном для философа. Пришедший оглянулся по сторонам, как бы ища куда можно присесть, но так и не найдя подходящего места, остался стоять. Старик усмехнулся в бороду.

- Хайре, Платон! Я ищу тебя с самого утра, был в Академии, встретил там Ксенократа, он сказал, что ты пошел к морю, и я сразу догадался, что ты в этом месте. И вот я нашел тебя,

- Нашел, и что?

- Я прочитал твой диалог «Критий». И должен сказать тебе, Платон: хоть ты и мой учитель, но истина дороже – я не верю твоему рассказу об Атлантиде.

Он весь напрягся, как-бы ожидая бури негодования от Платона. Его лицо вполне благородного очертания портили глубоко утопленные в подлюбье глаза. Вдобавок они были довольно близко посажены друг к другу, что вызывало ощущение, будто он смотрит сквозь собеседника. Встретив такой взгляд, хотелось оглянуться и посмотреть, к кому же он обращается на самом деле. Хотя на самом деле он всегда обращался к одному и тому же – к себе любимому. Платон это знал. Он спрятал улыбку в уголках своих глаз и серьезно спросил:

- Почему?

- Потому что я посчитал, сколько нужно меди, серебра и этого, как его, «орихалка» для отделки стен столицы Атлантиды. Нет такого количества этих металлов во всей Ойкумене! Это выдумка!

- Я думаю, что ты единственный мой читатель, который не читает, а считает!

- Разве я не прав?

- В расчетах может быть ты и прав. Но отрицая Атлантиду, ты не прав. Ведь если она возникла в моем уме, значит она уже существует. И будет существовать, я тебя уверяю, в умах тысяч моих читателей в грядущих веках.

- Но ведь это ложь! Может ли философ так изменять истине?

- А что есть истина?

- Как что? Истина – это то, что есть на самом деле. То, что мы видим, воспринимаем своими чувствами. Разве не так?

- Подобным образом мне отвечал на этот вопрос один капитан, везший меня в молодости на Сицилию: «Истина состоит в том, что утром я хочу есть, а вечером я хочу бабу». Потом он немного задумался и добавил: «Правда, утром я тоже хочу бабу, а вечером – есть. И это тоже истина».

- А что есть истина по-твоему?

- Истина – это смысл всего того, что мы воспринимаем. Не сами вещи, а смыслы вещей, их идеи. Поэтому «Илиада» Гомера истинна, несмотря на то, что количество кораблей ахейцев не выдерживает никакой критики. Да и сама Троянская война – была ли она? Кто на этот вопрос ответит? А «Илиада» есть, и вокруг «Илиады» сложилась Эллада. Истина в том, что без «Илиады» не было бы Эллады, не было бы победы над персами, не было бы ни нашего искусства, ни нашей философии. Ни тебя, мой многознающий друг.

- По-моему ты возвращаешься к софистике, учитель. Это у софистов все возможно: из «да» получаются «нет», из возможности вдруг выходит необходимость. На самом деле в природе есть только жесткие однозначные закономерности. Головастик превращается в лягушку, а гусеница – в бабочку и никто не в силах изменить этот метаморфозис, даже боги.

- И это ты называешь философией?

- Да, это философия природы.

- Тогда ты не философ, а физиолог – наблюдатель природы,

- Может быть ты и прав. Но я думаю, что теперь наступает новое время, когда физиологи будут полезнее философов.

- Польза? Ты ищешь пользы? Что я слышу? Это речь торговца, а не преподавателя моей Академии.

- Не хочешь ли сказать, что твоя философия бесполезна?

- В определенном смысле это так. Ты знаешь мою теорию припоминания: я верю, что каждый человек может вспомнить все великие истины об этом мире. Но для этого ему нужно помочь стать человеком. Развить его ум математикой и не засорять этот ум пустым многознанием, которое подобно шуму реки, не позволяющему слышать пение птиц.

- И свою Атлантиду ты тоже вспомнил?

- А как же? Если бы ее не существовало, то эта страна и не пришла бы мне в голову. Идея Атлантиды существует вне времени, то есть всегда.

- А что такое время по-твоему?

- Что такое время? Когда меня не спрашивают о нем, я знаю, что это такое. Но стоит мне начать объяснять, и я уже не понимаю что это. Ну, во-первых, я думаю, что идеи существуют вне времени. Время возникает, когда эти идеи проносятся за нашей спиной в определенной последовательности – помнишь образ пещеры, в которой мы все сидим спиной ко входу и наблюдаем тени на стене от предметов, которые проходят перед входом? Так вот, сколько таких последовательностей, столько и времен и они не являются друг для друга прошлым или будущим. Есть время Атлантиды, есть время Египта, есть время Эллады. Иногда эти времена проникают друг в друга и тогда мы

видим явления другого мира, другой истории, например, кентавров или циклопов. Но эти времена не связаны причинно друг с другом. Мы наследники Атлантиды, хотя тела наши мы получили не от утонченных атлантов, а от диких предков в шкурах, быть может и каннибалов, – как бабочка наследует в своем облике бабочкам, а не гусеницам.

В это время в волнах прибоя сверкнула пустая пластиковая бутылка и полоснула нестерпимо ярким солнечным лучом по глазам собеседников. Оба инстинктивно зажмурились, а когда снова открыли глаза, на ее месте мелькнул серебристый хвост макрели. Платон с тихой улыбкой внимательно посмотрел на своего ученика. А тот сделал вид, что ничего не заметил.

- Ты хочешь изменить будущее, изменив прошлое, я правильно тебя понял?

- Совершенно верно!

Аристотель скептически усмехнулся и погладил бороду рукой, унизанной перстнями:

- Но представь себе, что на смену таким философам как ты придут такие физиологи как я и спросят: «А где доказательства существования Атлантиды? Где записки Крития-старшего, на которые ссылается Критий-младший? Кто видел те самые записки Саисских жрецов, на которые ссылается Критий и Солон?» Что ты им ответишь?

- Я отвечу, что не надо никаких доказательств. Просто Атлантида была. И я видел ее своими глазами....

Глава вторая: Санторин

... увидел своими глазами. Ну и что? Черт меня дернул поехать на этот Санторин. Насмотрелся глянцевого фотографий! Как же, объект ЮНЕСКО, весь мир туда стремится. Ну и я туда же. Как это у Марка Твена в «Геккельбери Финне» говорили доверчивой публике два проходимца Король и Герцог после спектакля «Королевский жираф»: «Да, господа, мы вас надули, но не откажите себе в удовольствии надуть своих ближних – расскажите им, что спектакль был прекрасный». Это точно про Санторин. Диснейленд на краю вулкана. Все эти захватывающие дух фотографии сделаны из одной единственной точки, а больше там и смотреть не на что. Остров уныл и пустынен. И как ни странно, почти весь плоский, кроме кальдеры вулкана и двух гор на юговостоке. Я думаю, что эти горы возвышались над островом еще до того, как вулкан взорвался три тысячи лет назад. Эта его равнинность заставила меня вспомнить

описание Платоном его Атлантиды – он как раз говорил о равнине вокруг главного города. Ну об этом потом. А сейчас об этом интернациональном лохотроне.

С Крита на Санторин нас доставил корабль, похожий на переднюю половину акулы. Ее чрево закрывали огромные сходни в поднятом состоянии. Когда акула причалила к берегу этим чревом, сходни опустились на землю и в клубах удушающей солярки из нее поперло содержимое ее кишечника – туристы. Галдящая толпа кинулась к автобусам, быстро рассортировавшись по языковому признаку. Я оказался в автобусе, половину населения которого составляли русские, а половину – поляки. Не иначе, как экскурсию организовало бюро экскурсий «Иван Сусанин», огромную вывеску которого я видел, проезжая из аэропорта Ираклиона в свой отель. Поляки как всегда ни о чем не догадывались и как всегда смотрели на русских сверху вниз, даже когда сидели.

Автобус доставил нас в город Ойя, который как раз и запечатлен на тех самых открытках, которых все насмотрелись. Нас выгрузили на маленькой площади возле белого домика с синим полукруглым окном под крышей. Экскурсовод обратила наше внимание на то, что туалет находится только с одной стороны домика, а со второй стороны – местное отделение полиции. Поскольку женщины, как известно, используют туалет значительно дольше, чем мужчины, то из дверей туалета все время торчит женская очередь, вводя в заблуждение страждущих мужчин, которые автоматически бегут к другой стороне домика и врываются в к местному участковому с уже расстегнутой ширинкой. Он говорил, что уже сделал с десяток очень интересных фотографий на своем рабочем месте. Но, как нетрудно догадаться, эти фотографии не появились в красочных проспектах острова Санторин.

Город Ойя – это пчелиные соты на краю кальдеры, вдоль которого тянется единственная улочка двухметровой ширины. А по ней, как по каньону, течет плотный поток туристов, причем сразу в двух противоположных направлениях: те, которые уже сфотографировали остров с нужной точки, встречаются с теми, кто только собирается сделать это. Кого только тут не встретишь среди этих инвалидов духа, опирающихся на свои селфи-палки. «Все промелькнули перед нами, все побывали тут», – как писал поэт. Самодовольные немцы, которые везде дома в своем «Четвертом рейхе», англичане, которые дома вообще везде, групповые японо-китайцы, без которых невозможно себе представить ни одной достопримечательности в мире, русские, которые теперь повсюду, как японо-китайцы, и даже лысый потный негр с толстой негритянкой – их-то что сюда затащило? На улочку открываются двери магазинчиков и лавочек, втягивающих туристам всякое барохло. Под ногами и прямо в магазинчиках дремлют сытые псы с оловянными глазами коренных обитателей коммунизма – они уже не знают, чего бы им еще пожелать, после того как они были признаны частью культурного ландшафта и город выделил в бюджете средства на их содержание. Если среди собак существует тайное учение о собачьем рае, то я могу подтвердить его истинность.

Я сел отдохнуть на бордюр улицы, обращенный к кальдере и рассеянно смотрел, как огромный многоэтажный лайнер, похожий на плавучий небоскреб, медленно движется возле вулканического островка посреди лагуны. Островок был похож на засохшую коровью лепешку. Я перевел взгляд на противоположную сторону улочки, где местный Энди Таккер развесил лихо расписанные гипсовые копии минойских фресок, и вдруг увидел на одной из них этот же остров. Не этот, конечно, но на этом же месте, несомненно. Остров этот был так велик, что от края кальдеры его отделял только узкий канал, по которому плыли корабли на веслах. А на самом острове был город. И меня пробило! Ведь это же тот самый город из Атлантиды Платона, который окружен кольцом каналов! Но откуда? Откуда Платон мог это знать? Ведь фреску эту Спиридон Маринатос откопал на Санторине только пятьдесят лет назад. Платон не мог ее видеть!

Если только... если только мы верно понимаем, что такое время и как оно течет на самом деле. А ведь Платон вполне мог побывать на Санторине, когда плыл из Афин в Сиракузы. Если это был корабль из Спарты, то он мог зайти на Санторин за грузом вина – Санторин славился своим вином уже в то время, потом часть этого груза была доставлена в Спарту, а часть вместе со странствующим философом проследовала до Сиракуз. Но что он мог увидеть на Санторине, кроме того, что вижу я сейчас? Я медленно обвожу взглядом праздную толпу туристов, текущую мимо меня и пытаюсь представить себе иной остров – не Санторин и не Тиру, а как он тогда назывался? Может быть Атлантида? Платон ведь был в Египте за два года до своего путешествия в Сиракузы. Он явно писал беседу Солона с Саисскими жрецами с натуры, ведь Солон его прямой предок. Может быть там и прозвучало это название – Атлантида. А может он заменил им менее благозвучное для его уха египетское название.

Итак, Атлантида! Я иду по улице в потоке толпы и мое воображение встречает прекрасных женщин, одетых в сплошное декольте, и веселых мужчин, на которых из одежды только связки рыбы в руках (как с мечтательной грустью заметила наш экскурсовод). Они улыбаются мне навстречу, потому что люди, создавшие такое искусство, не могут не улыбаться. Они беспечны, спокойны и радостны и не ведают своего будущего. Ну и я им ничего не скажу – пусть каждый живет в своем времени, в своей мимолетной вечности. И счастлив тот, кто смог хотя бы мельком увидеть чужую вечность и тихо улыбнуться ей в ответ...

Глава третья: Первый монолог Платона

... я вижу твою недоверчивую улыбку и потому расскажу тебе об этом подробно. Садись – в ногах правды нет, слушать придется долго. Я никогда об этом никому не рассказывал, и не упоминал об этом случае в своих диалогах, потому что сам до конца не понял значения произошедшего тогда со мной. Было тогда мне лет столько же, сколько тебе сейчас. Я был молод, амбициозен и уже успел разочароваться в жизни. После смерти Сократа я не мог найти себе места в Афинах, где все мне напоминало о нем. И я отправился странствовать, благо деньги у меня для этого были. Я посетил Саис в Египте, где много разговаривал со жрецами храма Нейт и впервые от них услышал о прекрасной стране Кефтиу, которая существовала на месте нашей Эллады тысячу лет назад, еще в золотом веке. Она располагалась на Крите, островах Архипелага и побережье Ликии, Кари и Ионии. Народ Кефтиу не был нашим предком по крови - они были родственны ликийцам или карийцам. Мир их был воистину прекрасен. Я видел

росписи, выполненные их мастерами в Египте, мне показывали сохранившуюся до наших дней их керамику с изображениями растений и животных. Скажу одно: их искусство было на уровне искусства современной Эллады, а может быть и превосходило его в том, что касается изображения природы. Ты, как физиолог, оценил бы это по достоинству. Но искусство – не главное. Главное, что этому народу удалось создать государство, где все его граждане были счастливы, где женщины и мужчины пользовались одинаковыми правами, где царил мир и гармония между людьми. Вообрази себе, у них даже не было войска, но был огромный флот, услугами которого пользовались даже египетские цари. В той древности еще не было ни карфагенских, ни финикийских купцов и моряков, в морях безраздельно властвовали корабли Кефтиу. Но боги возмутились тем, что люди на земле уподобились им и стали жить как смертные боги. И они погубили эту страну. Колебатель земли Посейдон разрушил ее огнем и водой. Спустя столетия на опустошенные земли Греции пришли наши дикие предки, но они ничего не знали о ее прекрасном прошлом. Только египетские жрецы в своем вечном египетском времени хранят память об этом далеком прошлом.

Я провел в Египте почти десять лет. Потом вернулся в Афины, но долго там не задержался. Меня тошнило от афинской демократии: что может быть отвратительней власти безмозгих болтунов, управляемых низменными страстями и мыслями. И я снова покинул родной город. На этот раз я отправился на Сицилию, куда меня пригласил письмом тиран Сиракуз Дионисий. Я подумал, что для философа тирания одного человека более приемлема, чем тирания толпы, и решил принять его приглашение. Я мечтал с помощью просвещенного тирана создать там идеальное государство, в котором философы вместо чаши с ядом получали бы бразды правления. Но моим мечтам не суждено было сбыться: из двух зол оба оказались худшими. Это я понял когда стоял на невольничьем рынке в Эгине в качестве раба. Но это случится позже. А пока полный надежд и планов я бродил по Пирею в поисках судна, которое бы доставило меня в Сиракузы...

... Ветер выдувал из головы печаль и раздражение последних дней. А запах моря, нагретых досок, смолы, канатов и рыбы будоражил воображение и заставлял кровь веселее бежать по жилам. Платон шел широким уверенным шагом по настилу причала, его раб с поклажей едва поспевал за ним. Со всех сторон на него накатывал шум жизни: скрип снастей и глухое плюхание волн между тесно прижатыми бортами кораблей, крики капитанов, управляющих погрузкой товаров, блеянье овец, кудахтанье кур, призывный смех портовых проституток и гул толпы продающей, покупающей, обменивающей жизнь на деньги и деньги на жизнь. Денег у него было достаточно, дело оставалось за малым – найти попутное судно. Тут над его ухом раздался окрик с корабля:

- Эй, «платон», не хочешь ли наняться ко мне матросом? Я бы такому великану платил четыре оболы в день!

Платон поднял голову и увидел на ближайшей корме рыжую бороду с белозубой улыбкой до ушей.

- Это ты мне?

- Тебе, тебе!

- Я сам могу нанять тебя вместе с твоим кораблем, если ты поплывешь туда, куда мне нужно,

- А куда нужно благородному господину? – мгновенно переменил тон рыжебородый.

- В Сиракузы,

- Тебе повезло, я плыву со своим товаром в Великую Грецию и на Сицилию. Будь же моим пассажиром! Я возьму с тебя за все про все пятьдесят драхм, и поверь мне, что дешевле судна ты не найдешь во всем Пирее.

Платон задумался на мгновение, а капитан уже кубарем скатился по сходням и, суетясь и размахивая руками, объяснял его рабу куда нести вещи. Платон усмехнулся в бороду: «А что? Пожалуй этот рыжий торопыга как раз то, что мне нужно».

- Я согласен с твоей ценой. Как твое имя?

- Пирр! Как еще могут звать человека с такими волосами? А твое имя, уважаемый?

- Платон,

- Как, Платон? Значит я звал тебя по имени? Ха-ха-ха, - вкусно захохотал рыжий капитан, хлопая себя по ляжкам, - Платон! Нет, вы только подумайте, действительно Платон!

- Да, Я Платон, сын Аристана, из царского рода, который восходит к самому Посейдону,

- О! Это боги посылают мне тебя! Я не возьму с тебя пятьдесят драхм, я возьму с тебя только двадцать пять, но прошу тебя выполнить мою просьбу: давай принесем совместную жертву Посейдону перед плаванием. Я верю, что он не отвергнет жертвы своего потомка и будет благосклонен к нашему путешествию!

- Согласен!

И они ударили по рукам... Когда солнце уже начало клониться к западу, необходимые жертвы были принесены в портовом храме Посейдона, трюм корабля принял груз аттической керамики, и судно вышло в море при попутном боре. Белый парус ослепительно сиял на фоне голубого неба. Белая пена отделяла корабль от изумрудных волн и казалось, что это белая колесница божественного прародителя несет его через присмирившее перед своим владыкой море. Платон стоял на палубе и всей грудью вдыхал в себя соленый ветер. Сзади неслышно подошел капитан:

- Я был прав! Тебя мне послали боги – смотри, какой славный ветер! С таким ветром мы за два дня добежим до Тиры,

- До Тиры?

- Да, возьмем там груз вина и потом через Спарту отправимся в Метапонт, а оттуда напрямиком в Сиракузы,

- Что, разве в Великой Греции нет своего вина?

- Есть, конечно, но на Тире оно особое, такого нигде нет. Вот попробуешь и сам оценишь. А пока, прошу тебя, окажи мне честь, раздели со мной трапезу, - нам уже накрыли стол,

- Благодарю тебя, Пирр. С удовольствием!

Они возлегли на расстеленном на корме ковре. Рабы наполнили их чаши вином и водой.

Они выпили, плеснув богам, и стали закусывать маслинами и пресной лепешкой.

- Хорошее вино, Пирр!

- Лучшее из того, что я могу тебе предложить, Платон!.. Могу ли я спросить тебя, Платон, чем ты занимаешься в Афинах?

- Я философ,

- О! Философ?! Я слышал странные вещи о философях. Говорят, что они отвергают женщин и живут со своими учениками как с любовниками?

- Это досужие вымыслы охлоса, не более того,

- Ну не хочешь говорить, и не надо. У себя на корабле я такие склонности матросов не допускаю. Не могут потерпеть до порта, пусть лучше остаются на берегу – корабль не бордель,

- А что, в Пирее, девки хорошие?

- А какие они еще бывают после возвращения из плавания? Я тебе так скажу, Платон, некрасивых женщин не бывает, когда есть достаток вина. Поэтому на Тире все женщины красавицы,

- Выпьем за красивых женщин, Пирр?

- Выпьем!.. А все-таки, Платон скажи, кто такой философ по жизни?

- Искатель истины,

- Истины? А что такое истина?

- Истина это то, что неизменно во времени и существует в мире идей. А в мире вещей она показывает себя нам. Например, есть такая истина, что в прямоугольном треугольнике сумма квадратов, построенных на двух его сторонах равна квадрату, построенному на третьей его стороне. Эту истину установил великий Пифагор...

Пирр на минуту перстал жевать и уставился немигающим взглядом на Платона, так он смотрел с минуту, потом вздохнул и сказал:

- Нет это не истина,

- Почему?

- Потому что мне все равно верна она или нет. Если она окажется вдруг неверна, то в моей жизни ровным счетом ничего не изменится. Какая же это истина? Моя истина – это то, что полярная звезда находится на севере, а солнце в полдень – на юге. Вот без этой истины мне в море не выжить,

- По-твоему выходит, что у каждого своя истина?

- А как иначе? Если бы было по-другому, давно бы наступил золотой век. В том-то и дело, что истина одного кажется другому таким страшным заблуждением, что он готов ее истребить вместе с ее приверженцем,

- Да, ты оказывается сам философ, Пирр?

- Нет, Платон, я просто давно живу и много повидал на своем веку, а это чему-то да учит, если ты не совсем дурак, конечно,

- Ну а всеобщее благо, всеобщее счастье – эвдемония, это что по-твоему невозможно?

- Почему? Возможно... но не для всех. Вот послушай, я расскажу тебе историю, которую я слышал от одного карфагенского купца. Ты знаешь, что карфагеняне плавают за Геракловы столбы, в Атлантическое море. Так вот там, в двух неделях плавания на юг вдоль побережья Ливии находятся острова блаженных, где царит вечное лето, земля приносит плоды круглый год и люди там живут приветливые и счастливые, а женщины все красивые и любвеобильные. Впрочем земной элизиум, да и только. И вот этот мой знакомец отправился с группой карфагенских купцов в путешествие на юг Ливии, за слоновой костью и черными рабами. По пути они остановились на этих островах, и так ему там понравилось, что он решил остаться там, уговорившись со своими товарищами, что они его заберут на обратном пути через два месяца. Вот он живет, наслаждаясь любовью местных женщин, питаясь сладкими плодами деревьев, нежась в теплом море. Живет неделю, другую, месяц. И тут стало ему скучно. Вообрази себе – всеобщее блаженство, а у него тоска по портовому шуму Карфагена, рискованным сделкам, схваткам с пиратами. Еле дождался бедняга своих товарищей и с радостью взошел на корабль. А ты говоришь, всеобщее...

Помолчали. Платон усмехнулся и поднял свою чашу:

- А знаешь, Пирр, я теперь пожалуй могу тебе сказать, для чего нужна философия,

- Для чего?

- А чтобы не было скучно в элизиуме!

- Ну, тогда она мне вообще не нужна, потому что моя жизнь с элизиумом не пересекается. Это проблема для таких, как ты потомков богов, рожденных в богатстве и почестях,

- А я все же думаю, что если люди, независимо от своего происхождения, договорятся освободить свою душу от мирских удовольствий, от чувственных наслаждений, и сосредоточить ее на внутреннем мире умозрения и иметь дело только с истинным и вечным, то всеобщее блаженство возможно,

- В твоих речах ключевое слово «договорятся». Люди не могут договориться и о более простых вещах, а ты предлагаешь им изменить весь свой образ жизни. Кто на это пойдет? Два-три таких же чудака, как ты сам,

- А я все же попробую...

... Э-э! Да ты не за этим ли плывешь в Сиракузы? Уж не тиран ли Дионисий тебя позвал к себе для устройства элизия в одном отдельно взятом полисе?

- Ты угадал. Дионисий пригласил меня и обещал поддержку во всех моих начинаниях,

- Ну-ну! Попробуй. Только учти, что Дионисий большой специалист делать всеобщее благо своим личным блаженством. И если он позвал тебя, то уж точно что-то выгодное для себя задумал. Дионисий не философ, а политик, причем не сильно щепетильный в средствах. Так что будь с ним поосторожней, потомок Посейдона. За это можно и нужно выпить.

Они вновь осушили свои чаши и вновь наполнили их. Ощувив как вино приятным теплом растеклось по жилам, Пирр поднял руку и сказал:

- Слушай Платон! Сейчас я расскажу тебе предание, которое слышал на Тире от одного финикийского купца. Оно поддержит тебя в твоих попытках вернуть золотой век в наше испорченное время. Да, это было именно в золотом веке. Тысячу лет назад. Но было! Вот что важно! Остров Тира до Спарты принадлежал финикийцам, а те застали там еще кучку каких-то местных обитателей, от которых и услышали об извержении вулкана, который похоронил остров посреди лагуны и город на этом острове. И другие города и на этом и на других островах Эгейского моря. А было это царство прекрасным и богатым. И все его жители были равны, и даже женщины. И прекрасны! Они строили прекрасные дворцы, в которых все и жили. Счастливо! Вот...

Пирр опустил руку и впал в минутную задумчивость. Платон с волнением слушал слова своего собутыльника. И когда тот замолк, тихо сказал:

- Я слышал уже об этом – от египетских жрецов,

- Вот! Египетские жрецы врать не будут! Их боги врать не позволяют...

- А наши что, позволяют?

- Тсс..., - Пирр приложил палец к губам, - о наших не будем, мы в море, не забывай.

Они не сговариваясь оглянулись вокруг и увидели, что прислуживавший им раб спит у борта на циновке, что солнце уже почти коснулось горизонта, на котором нарисовались фиолетовые горы.

- Это остров Эгина, - сказал быстро трезвеющий Пирр, - здесь мы и заночуем. А завтра чуть свет, отправимся дальше.

Он пнул спящего раба и зычным голосом начал выкрикивать команды, которые вмиг оживили судно, превратив его в человеческий муравейник. Матросы сворачивали парус и вытаскивали из под скамей весла. Весла дружно погрузились в морскую пену и корабль начал медленно разворачиваться в сторону приближающегося острова...

... На следующий день как только «встала из моря молодая с перстами пурпурными Эос» наш корабль снова вышел в море. Попутный ветер снова наполнил парус и корабль летел по волнам как колесница самого Посейдона. Как и предсказывал Пирр, на вечерней заре мы подошли к Тире. Остров этот похож на подкову, выпуклостью обращенную на юго-восток. С запада она закрывается еще одним небольшим островком таким образом, что образуется лагуна, в центре которой курится подземными дымами маленький островок. Наш корабль вошел в эту лагуну через северо-западный пролив,

когда солнце уже касалось морского горизонта. Море вдруг стало розовым, а крутые скалистые берега фиолетовыми руками обхватили пространство вокруг нашего суденышка, и мы сразу оказались как-будто в другом пространстве и в другом времени. Куращийся островок перед нами приобрел цвет раскаленной жаровни и весь как-будто дрожал в розоватой мгле. И вот тут, за мгновение до того как солнце нырнуло в море, я увидел, или мне показалось, что я увидел на месте этого маленького островка огромный остров, занимающий всю лагуну за исключением узкого канала, отделяющего его от берега. При этом я ясно видел, что берега совсем не такие крутые, какими они виделись мне совсем недавно. А на самом центральном острове располагался город с многоэтажным дворцом с красными колоннами и плоскими крышами. Площадь перед дворцом была заполнена людьми: прекрасными женщинами, одетыми в длинные платья с совершенно открытой грудью, и веселых мужчин, на которых из одежды были только связки рыбы в руках. Они улыбались, они были беспечны, спокойны и радостны и не ведали своего трагического будущего. И я в тот миг тоже был счастлив, потому что на мгновение смог увидеть чужую вечность. Я почувствовал, что тоже улыбаюсь...

Глава четвертая: Сиракузы

Остров Ортигия, на котором расположена древняя часть Сиракуз, похожа на сжатый кулак с вытянутым указательным пальцем. Давно не стриженный кривой ноготь этого пальца указывает на Африку. Или грозит ей? Может быть это палец тирана Дионисия грозит своему африканскому сопернику: «Ужо тебе, надменный Карфаген!» А может этим пальцем он подманивает к себе корабль, на котором плывет Платон. А потом тот же палец укажет молодому Архимеду путь в Александрию, где он станет великим математиком. И то, и другое, и третье верно: без Дионисия Платон не попал бы в Сиракузы, а без Платона не появился бы в Сиракузах Архимед. И не тянуло бы так меня самого в Сиракузы.

Рейсовый автобус из Катании немного опоздал, но довез меня, как и было обещано на туристическом сайте, до самой площади Архимеда на острове Ортигия. Я вышел из него и удивился. Я ожидал увидеть залитую африканским солнцем Сицилию, но увидел залитую морозящим дождиком маленькую площадь. Было жарко и душно как в бане. Поэтому фонтан посреди площади был более чем уместен. Фонтан был посвящен Артемиде. И хотя Артемиды была хороша собой, но на площади Архимеда я ожидал

увидеть фонтан в виде переливающейся через край ванны с самим Архимедом. Как оказалось такой памятник тоже есть тут неподалеку на соборной площади. Правда настоящей ванны с водой там нет, но есть огромные руки, ноги и голова Архимеда, торчащие из земли как из воды. Хороший памятник. Я думаю, что Архимеду бы он понравился, – у гения чувство юмора всегда хорошо развито. Что-то мне подсказывает, что именно здесь во времена Архимеда располагалась агора, ведь собор святой Люции – это перестроенный храм Афины. Я медленно иду через остров в сторону моста, который соединяет его с материком (точнее, с остальной Сицилией). В мелкую сеточку дождя навязчиво вплетается запах кофе и свежей выпечки – двери кафе и ресторанчиков готовы проглотить зазевавшегося туриста и приковать его к хриплому голосу Челентано, который звучит здесь наверное даже из утюга. Перед самым мостом я вижу развалины храма Аполлона, которые напоминают мне развалины храма Аполлона в Дельфах. И тут же вспоминаю, что день рождения Платона совпал с днем рождения Аполлона, поэтому бог искусств покровительствовал великому философу. Не мог Платон, прибыв в Сиракузы, не посетить сразу же храм своего покровителя. Поэтому я уверенно иду по его следам в сторону порта, который находится тут же рядом. У самого моста меня снова встречает Архимед, на этот раз бронзовый. На ладони он держит зеркало, которым якобы сжег римский флот. Он бы посмеялся над этим изваянием, ведь, как мы помним, у гения с чувством юмора все в порядке.

Перейдя через мост, я медленно поднимаюсь по узкой улочке в гору, где меня ожидает археологический парк – дыра в интересующее меня время. Я представляю себе, как по этой же улочке поднимался к дворцу Дионисия Платон, совершив жертвоприношение в храме Аполлона. А навстречу ему бежал голый Архимед с криком «Эврика», но они не столкнулись, потому что на узкой улочке их разделяло сто пятьдесят лет. Но если бы Платон не поднимался по ней за сто лет до рождения Архимеда, то никакого бы Архимеда и не было. Как странно связаны человеческие планы с нитями судьбы. Вот Платон: он приехал в Сиракузы, чтобы поспорить коммунизм в одном отдельно взятом полисе. Но для коммунизма ему нужны были новые люди, и он занялся их просвещением. С терпением Геракла он очищал авгиевы конюшни их умов и сеял семена разума, которые через сто лет принесли сладчайший плод – великого Архимеда. Но Архимед был потомком не только Платона, но и его непримиримого оппонента Аристотеля: ведь Александрия, где он учился, это результат осуществления амбициозного проекта Аристотеля. Таким образом, Архимед оказался духовным правнуком обоих друзей-недрузгов.

Размышляя, я не заметил, как поднялся на холм Неаполя. Дождь перестал и солнце начало припекать сквозь еще совсем разошедшиеся тучи. Я вышел к техно-парку Архимеда, который был похож на детскую площадку в парке отдыха, куда свозят все качели-карусели, чтобы отвлечь детей и дать наконец покой взрослым. Роль каруселей выполнял винт Архимеда для вычерпывания воды, а роль качелей – рычаги различной модификации для подъема грузов. И детей здесь было достаточно, они тащили за собой родителей от экспоната к экспонату и терзали их своими невыносимыми «Почему?» и «Зачем?». Рычаги Архимеда и байки про Архимеда, вот и все, что унесет с собой отсюда турист. Получается, что Архимед был убит дважды: первый раз тупым римским солдатом, второй раз тупым туристическим бизнесом. Кто из посетителей этого техно-парка поймет действительный масштаб явления под названием «Архимед»? То, что он был математиком XVII века, как Кеплер, и инженером XVII века, как Паскаль или Лейбниц? Что он открыл интегрирование и создал первый компьютер, который известен как «Антикитерский механизм». И не просто создал, а наладил производство и сбыт этих компьютеров по всему Средиземноморью. Где вы «били гейтсы» и «стивы джобсы», почему ваших следов не видно на могиле Архимеда? Потому что вы глухи к

пению Мойр: вы слышите только одну из них Клото, которая поет о текущем дне, но вы не слышите ни Лахесис, поющую о прошлом, ни Атропос, предупреждающую о будущем. Поэтому вы обречены...

Солнце уже вовсю сияло на синем сицилийском небе, и море уже вспомнило свою ультрамариновую синеву. Отсюда с холма был хорошо виден весь кулачок острова Ортигия, бессильно грозящий своим кривым пальцем всем тем, кто забывает историю...

Глава пятая: Второй монолог Платона

... – А что было потом? – прервал его молчание Аристотель

- Потом? Через две недели благополучного плавания наш корабль достиг Метапонта. Пока Пирр продавал в порту свои товары, я разыскал могилу великого Пифагора и совершил возлияние в его память. И Пифагор немедленно оказал мне свое покровительство: тут же у его могилы совершенно случайно я встретил Архита Гарентского, главу пифагорейского союза Великой Греции. И он тут же повел меня их на собрание, где эти достойные мужи единогласно приняли меня в свой союз. А надо сказать, что пифагорейцы пользовались в Великой Греции большим политическим влиянием в то время, так что пока я с добрался до Сиракуз, слухи о моем пифагорействе уже опередили меня и много способствовали моему высокому авторитету при дворе Дионисия...

... Афраний окончил свой доклад и ждал распоряжений тирана. Дионисий встал и стал быстро ходить взад-вперед по портику, заложив руки за спину и размышляя: «Ах, как я угадал с этим Платоном! Как я угадал! Ну кто бы мог подумать, что он еще и пифагорейцев сможет привлечь на мою сторону. А ведь это ключ к Великой Греции и ключ этот почти у меня в кармане!» Он резко повернулся к начальнику стражи и приказал:

- Как только Платон прибудет в порт, немедленно проводи его во дворец. Лично проводи! И чтобы ему во всем оказывались царские почести... Он того стоит.

- Слушаюсь, игемон, - Афраний поклонился и вышел.

- Кому это ты хочешь оказывать царские почести? - из тени колонны ленивой походкой пантеры вышла на освещенную солнцем площадку ослепительно красивая женщина в белом хитоне с пурпурной каймой в виде «критской волны». При каждом ее шаге несшитая сторона хитона распахивалась, позволяя видеть обнаженный правый бок и ногу в позолоченном сандалиии. В ее тщательно уложенных волосах сверкала золотой лавровый венок, обворожительное плечо оплетала золотая змейка с изумрудным

глазком, а нежный перезвон подвесок приковывал глаз к таким же изумрудам на серьгах. Это была жена тирана Атлантида.

- Платону, философу из Афин, которого я пригласил в Сиракузы,

- Философу? Царские почести? Зачем?

- Во-первых, он царского рода и потомок самого Посейдона...

... О-о! Самого Посейдона? Так он герой, а не философ...

- И философ тоже. Причем самый известный в Афинах,

- А зачем он здесь?

- Как ты не понимаешь! Переезд Платона из Афин в Сиракузы это все равно что переезд самих Афин в Сиракузы! Он создаст здесь свою школу и благородные юноши из аристократических семей потянутся в Сиракузы со всей Эллады, а за ними купцы с товарами. И Сиракузы превратятся в Новые Афины. Платон – это не просто философ, это бренд, который будет работать на процветание Сиракуз...

... и на твой авторитет?

- Конечно! Я, как ты знаешь, свои интересы от интересов Полиса не отделяю: то что хорошо для Сиракуз, хорошо и для Дионисия. И наоборот, я надеюсь, тоже.

Атлантида хорошо понимала, на что надеется ее муж. После жестокого осмеяния, которому подверглись в этом году на олимпийских играх посланные им рапсоды, исполнявшие его стихотворения, ему необходимо было чем-то склонить на свою сторону капризное общественное мнение ведущих полисов Эллады. И собственного охлоса тоже. Чтобы в будущем опять замаячила перед ним надежда на титул царя.

- И кем же здесь будет этот Платон?

- Я назначу его учителем наследника и дам ему содержание в пять талантов в год...

... пять талантов?! Столько стоит боевой корабль с экипажем!

- Я же объясняю тебе, что Платон стоит целого флота!

- А может целого царства?

- Ты умная женщина, Атлантида, и все очень правильно понимаешь. И я надеюсь, что ты окажешь честь моему гостю и уделишь ему столько внимания, сколько он заслуживает,

- Сколько он заслужит, - уточнила Атлантида, прищуриив глаза и чуть улыбаясь самыми кончиками губ...

... Корабль Пирра входил на веслах в порт Сиракуз. Слева проплывали городские стены, которыми была защищена островная часть города – Ортигия. Над стенами возвышались крыши храмов. Ближайший к порту несомненно был храмом Аполлона. «Это добрый знак для меня», - подумал Платон. Справа вдоль кривых улочек карабкались на холм дома нового города, где, как сказал Пирр, и находится резиденция Дионисия. За стенами нового города виднелся лес, уходящий в горы, над которыми как бы парил в небесной синеве снежный треугольник Этно. «Треугольник – это добрый знак для пифагорейца», - снова ободрил себя Платон. На пристани его внимание привлек начальственного вида человек с золотым поясом и мечом на боку. Возле него уныло перетаптывались два стражника с копьями.

- Не тебя ли поджидают, философ? – подмигнул Пирр, - только с таким конвоем обычно сопровождают в тюрьму, а не во дворец к правителю. Не передумаешь, пока не поздно? А то смотри, оставайся, я бы тебе платил десять оболлов в день только за то, чтобы ты приносил жертву Посейдону перед плаванием. А там можешь всю дорогу заниматься своей философией. И стол за мой счет! Подумай, Платон, что еще нужно философу?

- Нет, Пирр, я уже решил и не отступлю от своего решения. Я прибыл сюда, чтобы применить мою философию на практике, и я не откажусь от такой возможности.

- Ну, ну, смотри. Как бы тебе не пришлось бежать из твоего элизиума через несколько месяцев, как тому карфагенянину. Могу поспорить с тобой на десять драхм, что ты не выдержишь здесь больше года.

- Увидим, чего заранее посыпать голову пеплом. Надо дело делать.

Корабль подошел к причалу, матросы быстро опустили сходни с его кормы. Платон обнял на прощание капитана и спустился на пристань, его раб ковылял за ним, согнувшись под тяжестью плетеного короба за плечами. Начальник в золотом поясе сразу же оживился и подошел к прибывшим в сопровождении стражников:

- Хайре! Скажи, ты Платон из Афин?

- Да, я Платон,

- Я начальник стражи Сиракуз Афраний. Дионисий приказал мне встретить тебя и проводить во дворец.

Платон мрачно взглянул на вооруженную стражу и спросил:

- Тебе приказал или мне?

- Мне, - недоуменно ответил Афраний.

- Тогда ты и иди к Дионисию и скажи, что я приеду, как только совершу жертвоприношение в храме Аполлона. Мне не нужен конвой, я сам найду дорогу во дворец. Вот раба моего прихвати с собой.

Афраний метнул в Платона неприязненный взгляд, но ничего не сказал, а только коротко поклонился ему и сделал стражникам знак следовать за ним. Когда стража ушла, с кормы корабля раздался знакомый голос:

- Плато-он!

Платон оглянулся. Над бортом торчала рыжая борода со знакомой улыбкой до ушей:

- Плато-он. Не забудь, десять оболлов на дороге не валяются! Гелиайне!

- Гелиайне! – Платон махнул рукой и невольно улыбнулся: «Хороший мужик, этот Пирр». Потом он не спеша зашагал в сторону моста на остров Ортигия...

... – Я прошу тебя, Атлантида, подожди еще немного. Я хочу встретить гостя вместе с тобой. Это очень важно для меня. Он скоро подойдет, - Дионисий старался быть спокойным и убедительным, но было заметно, что и его эта ситуация раздражает. Атлантида стояла, опершись рукой на колонну портика и барабаня по ней пальцами, унизанными драгоценными перстнями. Ее переполняло возмущение. Но она понимала положение своего мужа и усилием воли взяла себя в руки. А вот и тот, кто заставил их себя ждать! По аллее сада в сопровождении домашнего раба широким шагом шел он. Несомненно это был он, потомок Посейдона! Торс атлета, широко расправленные плечи, гордая посадка головы на мощной шее. «Он весь «платон»», - промелькнула мысль в ее голове и тут же обернулась озорным вопросом: «Действительно весь?». Она лукаво улыбнулась этой мысли: «А это мы проверим. Со временем».

Гость вошел в тень портика и слегка поклонился Дионисию, потом с интересом взглянул на Атлантиду. Лицо тирана вообще верно передавало его изображение на монетах Сиракуз: волевое, резко очерченное, с орлиным носом. Взгляд его прищуренных глаз выдавал ум. Но взгляд этот надолго не задерживался ни на одном предмете, а как бы старался поскорее освободиться от необходимости все это рассматривать, из чего Платон заключил, что человек этот не уверен в себе, да и другим, пожалуй, не очень доверяет.

- Хайре, Дионисий!

Тиран вышел навстречу философу с протянутой рукой и внезапно появившейся на лице улыбкой:

- Приветствую тебя, Платон! Я очень рад, что ты принял мое приглашение. Твой приезд – это большая честь для Сиракуз! Мой дворец в твоём полном распоряжении, выбирай

себе в нем любое помещение по своему вкусу. Все мои домашние рабы к твоим услугам. Я очень надеюсь, что ты откроешь в Сиракузах свою философскую школу для нашего юношества. И надеюсь, что мой сын Дионисий сможет ее посещать. Я положил тебе содержание в пять талантов в год. Но если этого мало, то ты можешь пользоваться всем моим состоянием, как своим собственным. Вот, позволь тебе представить мою жену Атлантиду.

Она подошла к Платону своей походкой сытой пантеры, сразу обратив внимание на его взгляд, погладивший ее обнаженную ногу от бедра до браслета на лодыжке. «А этот философ вполне управляем», - с удовольствием констатировала она про себя. И улыбнулась ему так обворожительно, как только могла.

- Я тоже надеюсь, что смогу посещать твою школу, Платон. Ведь ты не откажешь мне в этом?

Платон немного растерялся от такого натиска, но потом твердо ответил:

- Вообще-то у меня никогда не было учеников-женщин. Я вообще думаю, что Афродита при рождении уже научила их всему, что им может понадобиться в жизни, и учить их чему-нибудь сверх того это значит идти против воли богини,

- Тут я должен заступиться за мою жену, - разрядил обстановку Дионисий, - при ее рождении уж точно присутствовал кто-то из богов, кроме Афродиты, может быть и сам Зевс, и он вложил в ее головку совершенно мужской ум. В чем я имел возможность много раз убедиться, когда получал от нее точные и глубокие советы в сложных политических ситуациях, в которые попадали Сиракузы. Я не думаю, что она будет худшим из твоих учеников, Платон,

- Не могу отказать тебе, Дионисий, в твоей просьбе, ведь я твой гость. Хотя и не представляю себе женщины-философа,

- О, Платон, я тоже не представлял себе женщины-политика пока не женился на Атлантиде,

- Надеюсь, что мне не нужно будет жениться на ней, чтобы изменить свое мнение о женщинах, - неудачно пошутил Платон. Но Дионисий, заметив вспыхнувший гневом взгляд Атлантиды, выдавил из себя любезную улыбку и тем самым замял неловкость ситуации. Платон откланялся и пошел в сопровождении домашнего раба осматривать помещения дворца, а супруги остались стоять в тени портика.

- Да он просто хам! - резко заметила Атлантида.

- Ну не преувеличивай, дорогая, он просто философ. И прошу тебя, если уж ты напрасилась к нему в ученики, будь сдержана в своих замечаниях с ним. Не испортишь мне мою игру,

- Хорошо, обещаю, - ответила Атлантида и мысленно добавила: «У меня будет своя игра с этим гордецом»...

...Уже на следующий день на агоре только и было разговоров о приезде Афинского философа. Тут и там в толпе слышалось: «Пять талантов!», «Пять талантов? О-о-о!», «Не может быть, Дионисий с ума сошел!», «Нет, батенька, Дионисий умный правитель и далеко глядит!», «А кто этот Платон?», «Как, вы не знаете Платона? Ну вы даете!». То есть Дионисий все рассчитал правильно – его информационный вброс начал работать на него, постепенно приручая общественное мнение именем Платона, которое теперь неразрывно оказывалось связано с его именем. Популярность Платона автоматически поднимала рейтинг Дионисия. А сам Платон, появившись на агоре в тот же день, сразу стал центром внимания сиракузцев. Его останавливали, приветствовали, с ним старались заговорить самые уважаемые граждане. Его расспрашивали о планах и намерениях, и он простодушно рассказывал о предложении Дионисия открыть в Сиракузах философскую школу. И в умах уважаемых граждан сразу сложилась

предсказуемая комбинация: школа Платона – это реальный путь для подрастающего оболтуса к хлебному месту в администрации тирана. А Платон удивлялся тому, как велика тяга сиракузцев к его философии – в первый же день как минимум десять мужей обратились к нему с просьбой принять их отпрысков в его школу. Платон решил, что Апполон утвердил его план преобразования полиса в идеальное государство и начал активно помогать ему в этом деле. Пять дней ушло у него на то, чтобы познакомиться с Сиракузами и их окрестностями. Ему очень понравилась роща могучих платанов между стеной Нового города и каменоломнями, недалеко от городского театра. Это место располагало к несуетному размышлению. Именно там он решил проводить занятия с молодежью. После этого он написал на стене объявлений на агоре, что начинает занятия в своей философской школе в день Гелиоса в дневной час Зевса в означенном месте.

Все эти дни Атлантида старалась не попадаться на глаза Платону, тем более что он все время пропадал в городе и его окрестностях. Но за два дня до начала занятий она привела к нему для знакомства своего пасынка Дионисия и своего брата Диона. Было это на закате, когда солнце уже зашло за Этну, сделав ее густофиолетовой, а небо золотым. Платон сидел в саду возле дворца тирана, смотрел как меняются краски вечернего моря и думал о том, с чего он начнет свою первую лекцию в Сиракузах. Знакомый женский голос прервал его размышления:

- Хайре, философ! Извини, что нарушаю твое уединение. Позволь представить тебе двух твоих будущих учеников – сына Дионисия и моего брата Диона.

Сегодня она выглядела совсем не вызывающе. Ее изящная фигурка была замотана в длинный пеплос, край которого даже покрывал ее голову. Но глаза смотрели из-под покрывала все также игриво и вопрошающе. «Глаза цвета электрона с какими-то золотыми искрами», - подумал он, но тут же перевел взгляд на пришедших с ней юношей. Один из них был совсем еще мальчик лет двенадцати. В его лице Платон сразу узнал знакомые черты Дионисия. Мальчик смотрел исподлобья, взгляд его был настороженный и недоверчивый. «Явно будущий тиран», - подумал Платон. Второй был юноша лет двадцати. Он сразу понравился Платону может быть тем, что был мужским воплощением своей сестры. Красивое открытое лицо, густые кудри, атлетические сложение и немного насмешливый взгляд таких же как у сестры «электронных» глаз. Оба юноши были одеты в вышитые пурпурным узором хитоны, прихваченные на плече золотыми фибулами, на руке Диона Платон заметил золотой перстень. «Любовь к золоту видимо у них семейная, - подумал он, - ну ничего, разберемся и с этим». Дион, как старший из двух, обратился к философу:

- Приветствуем тебя, славный олимпийщик Платон! Мы надеемся, что ты покажешь нам свое умение в борьбе? – и он покровительственно взглянул на младшего Дионисия. А тот с обожанием посмотрел на своего дядю.

Платон усмехнулся про себя: «Как это говорил Фидий: сначала глину нужно хорошо размять, чтобы потом вылепить из нее прекрасную форму. Ну так я вас разомну завтра, щенки». И обратился к Диону:

- Покажу. Завтра утром в палестре, в час Афродиты.

Потом он повернулся к Атлантиде и насмешливо спросил ее:

- Надеюсь, борьбе обучаться ты не хочешь?

Ее глаза потемнели и швырнули молнию в философа:

- Хотела бы я на завтра превратиться в мужчину, чтобы положить тебя на лопатки,

- А если ты сама окажешься на лопатках? – спросил он улыбнувшись.

Она вдруг тоже улыбнулась обворожительной улыбкой:

- В тот миг бы я снова превратилась в женщину.

Ее ответ ошарашил его своей двусмысленностью и смелостью. Платон заметил, как Дион хохотнул этой шутке, и это еще больше разозлило его: «Что она себе позволяет? И куда смотрит Дионисий? А впрочем, кто знает какие у них отношения: чужая жизнь - потемки». И еще он успел заметить, что младший Дионисий посмотрел на свою мачеху с нескрываемой ненавистью. «Да, в каждой семье свои бездны аида, и надо держаться от них подальше», - подумал философ прощаясь с ними...

На следующее утро уже к часу Гермеса все было кончено: Дион, его племянник и еще несколько юношей, зашедших в палестру поглазеть на знаменитого олимпийца, в синяках и ссадинах валялись на песке. Тяжело дыша и отплевываясь от песка, они провожали восхищенными взглядами своего победителя, когда он шел мыться в бассейн. После бассейна, когда рабы натирали их тела оливковым маслом, Платон обратился ко всем присутствующим:

- Знаете, что общего у спорта и математики?

Нестройное «Не-е-ет» было ему ответом.

- И там и там синяки и ссадины предшествуют совершенству. Только при обучении математике эти синяки и ссадины не так бросаются в глаза, потому что находятся в уме. Кто хочет испытать свой ум, пусть приходит завтра на мою первую лекцию по философии – синяки и шишки вашему уму я гарантирую!

Одобрительные возгласы молодежи были ему ответом...

... И вот наступил этот день. Полуденное солнце едва проникало под сень векового платана, под которым располагалась Платоновская школа. Подвижные солнечные пятна выхватывали из тени части фигур его учеников, ослепляя глаза белизной их хитонов и блеском фибул. Птицы почти умолкли. Было слышно только жужжание пчел и болтовню нимфы ручья, струящегося среди камней. Нимфа договаривалась с дриадой о том, какой юноша кому из них достанется. Но они так и не смогли договориться, потому что каждая хотела всех. А было их двенадцать, не считая Атлантиды, которая демонстративно расположилась в стороне, с головой укрытая в своем пеплосе. Тень от накидки полностью скрывало ее лицо, и Платон не мог себе представить, как она на него смотрит. А она откровенно любовалась его глазами, бессильно погружаясь в их лазурь. «А ресницы, боги, зачем вы дали мужчине такие ресницы! Он взмахивает ими как корабль веслами и затягивает меня в эту бездну». А Платон в это время думал, что двенадцать - это не так много, как он ожидал, но вполне достаточно для начала.

Юноши расположились полукругом на камнях. Он встал посередине и начал с вопроса:

- Кто из вас уже читал мои произведения?

Ученики молча переглядывались, но никто из них не ответил.

- Ну что ж, это и усложняет и одновременно упрощает мою задачу. Я начну с того, что кратко изложу вам суть моей философии. А суть эта состоит в том, что кроме окружающего нас мира вещей, существует еще мир идей, который мы не ощущаем, но который можем постигать нашим умом. Каждой вещи соответствует ее идея. И если мы постигнем идею вещи, то тем самым мы познаем и саму вещь. Мы проживаем свою жизнь в мире вещей, но и у нас есть своя идея, которая называется душа. До нашего рождения и после нашей смерти она обитает в мире идей и знакома со всеми другими идеями. Поэтому для того, чтобы познать идею какого-либо предмета, нам нужно только вспомнить эту идею. Познание есть воспоминание – анамнезис или обратное плавание из мира вещей в мир идей. Я утверждаю, что если наш ум будет мыслить правильно и последовательно, то мы способны вспомнить любое знание о любом предмете нашего мира.

Платон остановился и обвел внимательным взглядом притихшую аудиторию.

- Но! Есть одно «но», которое мешает нам мыслить правильно и последовательно. Это наши страсти и привычки. Они заставляют наш ум все время крутиться вокруг них, не давая ему перейти к более важным вещам. Вы думаете, что ваши золотые фибулы и золотые перстни это украшения? Нет, это цепи, которыми вы прикованы к привычному образу жизни. Причем не так важны реальные украшения, как ваша мысль об этих украшениях и о том как вы выглядите в этих украшениях. Именно эти мысли не дают вашему уму двигаться в область идей. Поэтому философы прибегают к особому рода гигиене, которая называется «апатейя» - бесстрастность, и «атараксия» - невозмутимость. Если вы хотите заниматься философией в моей школе, вы должны практиковать эти добродетели. А как первый шаг на этом пути я призываю вас избавиться от ваших украшений и роскоши...

Он замолчал, обводя взглядом слушателей. Юноши, неуверенно переглядываясь, стали снимать с пальцев перстни. Атлантида не пошевелилась, и он это заметил боковым зрением. Дион поднял руку:

- Скажи, учитель, а есть ли средство, помогающее уму продвигаться в мир идей?

- Есть, Дион, и оно называется математика. Математика это ведь и есть описание наиболее универсальных идей. Такими идеями являются прямые, окружности, треугольники, пространственные тела. Но математика – это еще и теоремы, которые можно доказать только если ум движется правильно и последовательно. Ну вот, например, есть теорема о том, что если в двух треугольниках два угла попарно равны между собой, то третьи углы тоже равны. Подумайте внимательно и вы поймете, что иначе и быть не может – и это открытие и станет вашим собственным анамнезисом.

Ученики сосредоточенно думали. Дион снова поднял руку:

- А как эта теорема может помочь мне в понимании мира вещей?

- О! Очень даже может. Благодаря этой теореме ты прямо сейчас на этом самом месте сможешь определить насколько Солнце находится дальше от Земли, чем Луна.

Под платаном прокатился удивленный ропот.

- Как это? – спросил пораженный Дион, - разве это возможно?

- А вот смотри сам: видишь бледный диск Луны на небе? От него видна сейчас ровно половинка – и это большая удача для нашего исследования. Ведь Луна это шар, как говорил еще Анаксагор – учитель моего учителя. И она освещается светом Солнца. Когда Солнце находится не на одной линии с Луной, а немного за этой линией, оно освещает в основном обратную сторону Луны и нам видим лишь узенький ее серпик. А когда Солнце находится перед этой линией, то освещает в основном видимую часть Луны и тогда мы видим неосвещенным только узенький серпик. Следовательно, когда Луна выглядит именно так как сейчас, то есть когда освещена ровно половина ее, тогда Солнце и Луна находятся на одной линии и линия эта перпендикулярна линии, которая соединяет Землю с Луной...

- Как?.. Почему?.. – слышались недоуменные вопросы.

- А вы подумайте внимательно: если бы линия нашего наблюдения Луны не была перпендикулярна к линии Луна – Солнце, то тогда Солнце было бы или чуть ближе к нам, или чуть дальше от нас, но тогда мы видели бы на Луне не освещенную половину, а чуть большую чем половина область или чуть меньшую. Ну а теперь, наконец о нашей теореме: если один угол в треугольнике Земля – Луна – Солнце прямой, а второй угол между направлением на Луну и на Солнце мы можем определить прямо сейчас при помощи двух палочек, то мы можем нарисовать на земле такой же треугольник с такими же углами, ведь третий угол будет равен небесному треугольнику согласно нашей теореме. И тогда прямо на нарисованном треугольнике мы можем измерить как относятся между собой расстояния от Земли до Солнца и от Земли до Луны.

Платон поднял с земли веточку, отломил от нее две более-менее ровные палочки и приставил их к глазу, направив одну на Солнце, а другую на Луну. Потом он, стараясь не изменить обнаруженный угол, положил эти палочки на землю и провел по ним две линии, которые пересек третьей линией, перпендикулярной к одной из них.

- Ну вот, Дион, теперь ты можешь сам измерить на этом треугольнике расстояние между Землей и Луной – вот этой палочкой, а потом отложить ее на расстоянии между Землей и Солнцем и увидишь, во сколько раз Солнце дальше от Земли, чем Луна. Дион вскочил и начал измерения, остальные юноши окружили его, шумно выражая свой восторг.

- Ну, что у тебя получилось?

- Солнце в двадцать раз дальше, чем Луна! – воскликнул пораженный Дион. Он смотрел на Платона с таким восторгом и обожанием, с каким маленький Дионисий смотрел на самого Диона.

- Учитель, ты воистину равен богам своим умом!

- Но заметь, что я просто рассуждал правильно, и что такое знание доступно каждому, кто рассуждает правильно, ведь теорема о треугольнике известна всем.

Ученики говорили наперебой, выражая свое восхищение учителем. Они были слишком возбуждены, чтобы продолжать занятие и Платон отпустил их по домам. Когда они шумной гурьбой скрылись за поворотом тропинки, Платон подошел в Атлантиде и с изрядной долей иронии в голосе спросил ее, не слишком ли трудно ей будет расстаться со своими украшениями, на что та невозмутимо ответила:

- А я не собираюсь с ними расставаться,

- Значит для тебя апатейя и атараксия неподъемны?

- Нет, это значит, что я усвоила твой урок: я вполне бесстрастна к тому золоту, которое находится на мне, и я буду и дальше носить мои украшения вполне невозмутимо.

Гелиайне, философ!

И она пошла от него по тропинке, слегка покачивая бедрами. Платон поймал себя на том, что завороченно смотрит ей вслед. «Какая женщина! Нет, какая женщина!», - мысленно повторял он при этом...

...На следующий день на агоре некоторые геронты в потертых хитонах уже уверяли своих слушателей, что они лично видели, как Платон метался по небу на нарисованном им треугольнике между Гелиосом и Селеной. Народ им не верил, но некоторые граждане, напуганные этой картиной, поспешили забрать своих детей из школы Платона, а некоторые, напротив, заставили своих недорослей пойти к этому удивительному мудрецу. В результате число учеников у Платона не изменилось. Когда Афраний рассказывал об этом Дионисию на ежедневном докладе о городских слухах, тот смеялся до слез. Но когда Афраний упомянул о том, что Платон призвал своих учеников снять с себя все украшения, смех тирана мгновенно прекратился. Он быстро взглянул на начальника стражи и спросил:

- Откуда известно?

- Мой племянник среди его учеников,

- О, Афраний, а ты чувствуешь, откуда ветер дует. Ты правильно сделал, что послал к Платону своего племянника, - это перспективно. Ну, так что он?

- Он пришел домой и заявил, что больше не оденет ни красивой одежды, ни золотых украшений. Одел какую-то старую дерюгу и ходит в ней. У меня рабы лучше одеваются. Уж не хочет ли Платон превратить нашу молодежь в грязных киников?

- Ах, Афраний, ты хороший сыщик и храбрый воин, но ты никакой политик, потому что не видишь перспективы. А между тем почин Платона может нам серьезно помочь в наших бюджетных проблемах. Нам предстоит серьезная и долгая война с Карфагеном,

которая будет стоить больших денег. Где их взять? И вот появляется авторитетный философ, который учит народ, что иметь на себе богатые украшения это стыдно. Что теперь нужно сделать?

Афраний недоуменно пожал плечами.

- Нужно всего лишь придать платоновской проповеди патриотическую направленность. Не просто снять с себя украшения, а пожертвовать их своему Полису для борьбы с заклятым врагом! Я теперь же напишу пару гексаметров о долге гражданина, а ты обеспечь, чтобы их услышали все на агоре. И не только в Сиракузах! Пожертвования будем собирать в храме Аполлона, со жрецами я договорюсь лично. И чтобы мое имя ни в коем случае не прозвучало! Слышишь? Ни в коем случае! Только Платон, только инициатива великого философа,

- Не понимаю тебя, Дионисий. Ты делаешь все, чтобы увеличить славу и популярность Платона, а сам остаешься в тени. Так народ привыкнет произносить имя Платона вместо имени Дионисия, хорошо ли это?

- В данном случае это хорошо. Это не та слава, которую я хотел бы иметь. Ведь через пару месяцев когда патриотический порыв иссякнет, на кого обратится гнев толпы, потерявшей свои кровные средства? На великого философа Платона, а я, как ты выразился, останусь в тени,

- Ты гениальный политик, Дионисий, - с чувством произнес начальник стражи.

- Я знаю это, - усталым голосом ответил тиран...

... Новое занятие Платоновской школы состоялось через два дня. Ученики пришли одетыми в скромные и даже потертые хитоны без каких-либо украшений. Только в ушах Атлантиды посверкивало золото, когда легкий ветерок отгибал край пеплоса, которым она закрывала голову. Юноши недоуменно поглядывали на нее, но сам Платон демонстративно не смотрел в ее сторону. Он начал лекцию с разговора об аксиомах:

- Путем умственных упражнений вы можете выработать в своем уме способность к правильному движению мысли. Но при этом вы не ограждены от ошибки, потому что мысль может начать свое движение от ложной посылки. Вот эта исходная посылка и называется аксиомой. Она должна быть абсолютно верной и очевидной, чтобы каждый сразу мог сказать, что она верна. Например, что через две точки можно провести только одну прямую. Или что через прямую и точку вне ее можно провести только одну плоскость. Это очевидно?

Ученики одобрительно загудели.

- А теперь ответьте мне на вопрос: когда три мухи, летающие над моей головой, будут находиться в одной плоскости?

Ученики затихли размышляя.

- Ответ ты, Дионисий.

Наследник тирана вскочил, побледнел, потом покраснел, потом умоляюще посмотрел на своего дядю и глаза его наполнились слезами. Платон обратился к Диону, который с улыбкой смотрел на своего племянника:

- Помоги ему, Дион.

- Всегда три мухи будут находиться в одной плоскости,

- Почему? Как ты рассуждал?

- Через двух мух можно провести прямую. А через прямую и третью муху можно провести плоскость,

- Верно. Садись, Дионисий.

Дионисий бросил на Платона полный ненависти взгляд, который тот почему-то запомнил на всю жизнь. Тут Дион поднял руку и спросил:

- А как верная мысль может вдруг стать неверной?

- Вы знаете, что две параллельные прямые никогда не пересекаются. Это аксиома. И есть верное утверждение, что прямая, пересекающая эти две параллельные прямые, образует с ними равные углы. Но вот если вдруг, как выразился Дион, эти параллельные прямые станут где-нибудь пересекаться, то это утверждение уже не будет правильным,

- А как они могут где-то пересекаться, если они параллельные? – недоуменно спросил Дион.

А вот вообразите себе сферу, - Платон палочкой нарисовал на земле окружность, - И вот тут, в самой широкой ее части мы нарисуем две параллельные прямые. И они действительно параллельны, если не продлевать их достаточно далеко. Так что вот в этой области наша теорема о секущей прямой и углах будет выполняться. Но если мы будем продлевать эти параллельные прямые все дальше туда, где сфера сужается, то они будут сходиться все ближе вместе со всей сферой. А вот тут в крайней точке они пересекутся.

Поэтому везде, кроме самой широкой части сферы, наша теорема не будет выполняться, - Ну, это сфера, а на нашей-то земле параллельные не пересекутся никогда, - уверенно заявил Дион.

- А ты видел, когда-нибудь, Дион, как корабль удаляется от берега и скрывается за горизантом?

- Видел, конечно,

- И как это просиходит?

- Ну, сначала за горизонтом прячется сам корабль, а потом его мачта с парусом,

- А ведь, если бы наша Земля была плоской, он просто бы уменьшался и исчез бы весь целиком,

- Ты хочешь сказать, что наша Земля – сфера?

- Именно так, Дион. А это значит, что не все параллельные линии на ней действительно параллельны. И есть на ней такая точка, предположительно где-то в Гиперборее, где они пересекаются. Так что теорема, верная в Сицилии, будет неверна в Гиперборее.

- Как они там живут? – недоуменно пожал плечами Дион.

- Кто? – не понял Платон.

- Гиперборейцы...

Как и в первый день, все ученики, кроме Атлантиды ушли вместе шумной гурьбой, обсуждая на ходу то, что открыл им Платон. Тогда Платон подошел к ней и наконец внимательно посмотрел ей в лицо. Ее глаза лучились весельем, губы улыбались:

- А знаешь, Платон, мы с тобой ведь тоже параллельные прямые. Но я теперь знаю, где они могут пересечься,

- Где же, в Гиперборее?

- Ну, если это Гиперборея, - и он почувствовал как ее рука нежно и уверенно сжала его естество. Тут предок Посейдон ударил его по затылку своим трезубцем и он перестал быть философом как минимум на пол-часа...

... Теперь я знаю, где пересекаются параллельные прямые. Они пересекаются в Атлантиде. И там же заканчивается философия, потому что в счастье философия не нужна. Это мне разъяснила Атлантида. Но это отдельный разговор...

Глава шестая: Третий монолог Платона

... и я не знаю, нужен ли он тебе, Аристотель,

- Пожалуйста продолжай, я прошу тебя! – он даже руку протянул вперед, как бы пытаясь не допустить прекращения рассказа. «Вот чудеса, - подумал Платон, - никогда бы не подумал, что нашего Зоолога может так захватить что-либо, кроме метаморфозы головастика в лягушку. А ведь он не нашутку взволнован, даже на человека стал похож!»

- Ладно, расскажу и об этом, - сказал Платон, натягивая хитон на уже подгоревшую на солнце спину, - ...

... Эрота потому и изображают в виде беспечного ребенка, что он не отличает неграмотного пастуха от образованного философа. И стрелы у него для них припасены одинаковые. И вид у них становится одинаковый, когда поймают они его стрелу в сердце, – глупо-счастливый. Но если вид счастливого пастуха никого удивить не может, то вид глупого философа сразу всем бросается в глаза. Я влюбился в нее и потерял рассудок. Я не мог читать лекцию в ее присутствии, потому что все мои мысли были заняты только ею. Я путался, не мог найти подходящих слов, не мог решить простейшей задачи. В конце концов я был вынужден отпустить учеников по домам, сославшись на нездоровье. Она меня понимала. Она сама предложила, что не будет больше приходить на мои занятия. И я был благодарен ей за это. Но и во дворце тирана я больше оставаться не мог. Я не мог встречаться ежедневно с ним и с ней и что-то любезно говорить при этом. Я объявил Дионисию, что мне нужен покой для работы и что я нашел себе подходящее жилье у городской стены. Он отнесся к моему переезду с пониманием, даже сказал что-то вроде того, что и он желал бы быть просто философом и променять свой дворец на маленький домик на окраине. Впрочем расстались мы с ним вполне политкорректно.

Я снял домик у хромого ветерана, который не интересовался ничем, кроме тыкв на своем огороде. Он выращивал их для изготовления фляг для воды. Фляги эти он продавал на базаре, с того и жил. Я платил ему две тетрадрахмы в месяц за стол и кров, и он не интересовался тем, кто и когда ко мне приходит. Домик действительно стоял у самой городской стены в оливковом саду, совсем недалеко от того места, где я проводил свои занятия с молодежью. Когда я отпускал их по домам, я спешил в свою берлогу, садился у окна и начинал ждать. Ты не представляешь, что творилось со временем, когда я ждал: оно прилипало ко всему, на чем останавливался мой взгляд, - прилипало и останавливалось. Оно не хотело течь. Я не мог есть, пить, спать. Я весь превращался в слух, который не мог услышать ничего, кроме ее шагов. И только ее шаги вновь оживляли время. Оно вдруг пускалось в бешеный скач, за которым едва поспевало мое сердце. Я слышал ее «Хайре!» копающемуся в саду ветерану и понимал, что до этого

момента меня просто не было. А теперь она войдет, и я начну жить. Дверь распахивалась, и на меня обрушивалось счастье...

... Атлантида раскинулась на ложе голая и мокрая, как остров отпущенный из бездн моря Посейдоном, который сначала решил потопить его, а потом передумал. И вот волны схлынули, оставив после себя спутанные водоросли-волосы. Глаза ее были закрыты, но двигались, как-будто она видела сон. Губы улыбались видению. Внезапно она открыла глаза и взглянула на Платона, который тихо сидел у стола и любовался ею. Осипшим голосом она сказала:

- Теперь я знаю, почему Посейдона называют колебателем, - у меня внутри все колеблется, как Сицилия во время землетрясения.

Она улыбнулась Платону и добавила:

- А ты настоящий Поседонид...

Потом усмехнулась и спросила:

- Что смотришь? Ищешь на мне украшения? А их нет – я ведь твоя послушная ученица. Надеюсь ты почувствовал мою апатею и атараксию?

- Знаешь, я чувствую себя полным дураком. И я счастлив!

- А вот я сейчас и проверю, - сказала она, повернувшись на бок и подперев голову рукой. Он не отрываясь следил за самостоятельной жизнью ее груди. Она заметила это:

- Скажи, я красивая?

- Красивая,

- А как именно?

- Очень,

- Да, твой диагноз подтверждается. Ты же, говорят, был поэтом в молодости. Неужели ты не можешь найти слов, чтобы описать любимую женщину? Ну же, я жду.

- О, дерзкогрудая, прекраснозадая, лучистоокая, жарколонная, - начал декламировать Платон, вскочив и подняв руку, как на состязаниях поэтов. Она рассмеялась низким грудным смехом и наложила свой палец на его уста:

- Тише, тише! Помни, что боги завистливы, а богини – тем более. Услышит Афродита, как ты меня превозносишь и отберет тебя у меня. Такой льстец каждой женщине нужен. А я то думала, что ты философ – апатея, атараксия и все такое, а ты оказывается дамский угодник!

Она обхватила его шею и прижалась к нему всем телом. И день снова померк...

... И был новый день, а за ним еще дни, неотличимые один от другого. А может быть это все длился тот же самый, первый день их любви. Время как бы обтекало их убежище, из деликатности не заглядывая в домик Платона. А где-то снаружи, в Сиракузах и на всей Сицилии лето уже подходило к концу. Платон заметил это, когда она ела виноград, миску которого приготовил для них хозяин дома. Сладкий сок из рыжих ягод стекал по ее подбородку и капал на грудь. А Платон соображал, как лучше пристроиться к ее груди, чтобы слизывать с нее эти сладкие капли. Она посмотрела на него, вздохнула и оставила миску с виноградом.

- Платон, ну расскажи мне что-нибудь.

- Что? – спросил он, обкусывая кисть винограда.

- Чему ты сейчас учишь мальчиков?

- Тебе это действительно интересно?

- Ну конечно. Я ведь начинала учиться вместе с ними, но теперь учитель выгнал меня из класса к себе в постель, а я не хочу быть отстающей,

- Хорошо, я буду пересказывать тебе свои лекции. Сейчас я рассказываю им об идеальном государстве, которое мы общими усилиями быть может создадим в Сиракузах. И что они станут той основой, на которой будет держаться это государство, - сословием стражей или воинов. В идеальном государстве править должны философы. А составят сословие философов самые успешные в образовании стражи. Вот твой брат Дион вполне может рассчитывать на это. И еще этот, Актеон...

- ... это племянник Афрания, начальника стражи...

- ... ну да, наверное. А прочий демос будет обеспечивать стражников пропитанием и не вмешиваться в вопросы управления. А царем над всеми должен быть наиболее отличившийся в философии и в военном деле...

- ... значит ты или Дионисий?

-... ну почему стразу я, или Дионисий? Тот кого выберут философы...

- ...значит все-таки ты?

- С тобой трудно говорить, Атлантида. Ты чисто теоретический разговор сразу переводишь на личности. Я этого, кстати, и опасаясь немного. Что если Дионисий так же как и ты решит, что это я для себя готовлю место царя?

- Обязательно решит. Но ты не должен опасаться этого, потому что Дионисий умный правитель и сможет приспособить твои теоретические построения под себя,

- Ты думаешь?

- Я знаю. Ему надоели демократические претензии охлоса, на мнение которого он все время должен оглядываться. Поэтому ему вполне по душе будет твоя идея аристократии. Можешь спокойно заниматься ее воспитанием – для этого он тебя и пригласил в Сиракузы,

- Ты хочешь сказать, что он меня использует в своих целях?

- А ты полагаю, что это ты его используешь? Ты слишком наивен для мудреца. Подумай, разве может быть по-другому: какой же правитель пригласит к себе того, от кого он не рассчитывает получить пользу. Но ты не волнуйся, Платон. Дионисий достаточно умен, чтобы не мешать тебе в твоём проекте. Ты, по-моему, вообще недооцениваешь его.

- Почему ты так думаешь? - мрачно спросил Платон.

- А почему, по-твоему, мы с тобой можем так спокойно встречаться здесь вот уже два месяца, и никто не хватает нас и не тащит на расправу к тирану?

- Неужели уже два месяца?

- Платон, ты действительно поглупел от любви. Но я тебя спасу – я верну тебе ум. Пойми, Дионисий конечно же знает о нашей с тобой связи, но его это мало волнует, потому что его вообще мало волнуют женщины. У него есть только одна любовница – власть. И пока этой его любви ничего не угрожает, он на многое готов закрывать глаза.

- Но ты же его жена?

- Я не жена, я – Атлантида, то есть женское воплощение Атланта, который где-то там у Геракловых столбов держит на себе небесный свод. А я держу на себе всю политику Дионисия на Сицилии и в Великой Греции. Он ни шагу не делает без моих советов. Поэтому я ему необходима. И ты ему необходим. Понимаешь? Поэтому он и делает вид, что ничего не происходит.

- Как-то все это... я не знаю, все это выглядит, как какая-то игра. И я чувствую себя просто фигуркой в этой чужой игре. Я не привык зависеть от чьей-то воли...

- Просто ты философ и не привык к тому, что политика – это искусство возможного, она вся построена на компромиссах. Твое положение в Сиракузах – это тоже компромисс. Причем, не самый худший, а? - Она поднялась перед ним во весь рост, закинув руки за голову и подняв к нему тяжелые капли груди. И день для него снова померк...

... Вечером Дионисий принимал Афрания в неформальной обстановке. Вечер был тихим и теплым, в саду неумолчно стрекотали цикады, в воздухе разливался запах ночных фиалок. Несколько масляных светильников освещали стол, накрытый к ужину прямо в портике. Дионисий возлежал за столом. На лице его блуждала благостная улыбка:

- А, Афраний, присаживайся к столу, раздели со мной трапезу. Эй, вина моему гостю! Раб смешал вино с вобой и подал чашу начальнику стражи. Тот плеснул богам и сделал глоток. К еде он не притронулся.

- Принес? – спросил Дионисий. Афраний вскочил и почтительно подал тирану объемистый свиток. Тот развернул его:

- О, какой способный мальчик, сколько понаписал! Далеко пойдет. Как его?

- Актеон, - снова вскочил Афраний, не успев присесть на ложе.

- Актеон. Я запомню его,

- Благодарю тебя, игемон, - поклонился Афраний.

- Здесь все, что говорил Платон на лекциях?

- Да, все. Я заставлял племянника записывать все сразу, как только он приходил домой с занятий. Для тренировки памяти.

- Растишь себе достойную смену? Это правильно – кадры решаю все!

Он углубился в чтение, изредка прихлебывая из своей чаши. Афраний наконец опустил на свое ложе, но к вину больше не притронулся. Изредка Дионисий прерывал чтение восклицаниями вроде «Ах, так!», «Ну, ну», иногда от души смеялся. А в одном месте он даже прочитал отрывок вслух:

- Нет ты только послушай, какой слог: «демократ - это разбогатевший кузнец, лысый и приземистый, который недавно вышел из тюрьмы, помылся в бане, приобрел себе новый плащ и собирается жениться на дочери своего господина, воспользовавшись его бедностью и беспомощностью... Он часто нагл, разнуздан, распутен и бесчестен». Я бы это написал на стене на агоре, чтобы все эти идиоты хоть раз прочитали правду о себе. Но у них не хватит мозгов, чтобы оценить это по достоинству.

И он снова погрузился в чтение. Афраний почтительно ждал, когда он закончит читать. Наконец Дионисий вздохнул, улыбнулся и отложил папирус в сторону. Он сделал большой глоток из своей чаши и весело посмотрел на Афрания:

- Ну, и что опасного ты увидел в его рассуждениях?

- А что ты скажешь об этом, - он быстро развернул свиток, нашел нужное место и прочитал:

«тираны — это несостоявшиеся философы, несостоявшиеся великие люди, которые считают себя способными распоряжаться делами народа, проявлять великие притязания, высоко заноситься, становятся высокомерны и самонадеянны», - он вопросительно посмотрел на тирана,

- А на это я скажу, что философы – это несостоявшиеся тираны, которые думают, что управлять народом можно болтая языком и потому «проявляют великие притязания, становятся высокомерны и самонадеянны», так, кажется, в оригинале?

- Но не готовится ли он место правителя для самого себя, когда говорит, что в идеальном государстве править должны философы?

- Конечно, он видит себя правителем. Ну и что? Пустые мечты все это, дорогой Афраний. Мудрецы – это те же дети: они играют в политику, как дети играют в войну, размахивая деревянными мечами. А реальная политика делается железным мечом. И меч этот находится в моих руках. И в твоих тоже, заметь это!

- Вот я и думаю, не пора ли его применить?

- Нет, нет. Он полезен нам. Подумай, он обучает математике несколько десятков юношей из лучших семей. Это же воспитание образованного командного состава и

прежде всего для флота. А без такого флота мы не сможем победить карфагенян. А политически он не опасен для меня,

- А не политически? – Афраний взглянул в глаза тирану. Дионисий мгновенно нахмурился и жестко произнес:

- А вот это уже не твое дело! Со своими делами я сам разберусь, без твоей помощи,

- Прошу прощения, игемон, я не хотел вмешиваться в твои дела, но народ начинает болтать...

- ... народ всегда что-нибудь болтает, на то он и народ! – потом он помолчал и уже спокойным тоном приказал, - Но наблюдения за ними не снимать! И если что, - ты понимаешь, что меня интересует?

- Думаю, что понимаю,

- Еще бы, иначе ты бы не был начальником стражи! Так вот, если что – немедленно сообщи мне.

- Слушаюсь, игемон! – он хотел вскочить, но Дионисий жестом удержал его:

- Не спеши, выпей со мной. Как тебе вино?

- Прекрасная лоза!

- Это тирское, позапрошлого года. Мне его поставляет один рыжий эфесянин, и не дорого берет. Рекомендую...

... Платон спешил. Спешил к ней. Он шагал мимо шумного, пахнущего морем и рыбой порта и ничего не слышал, а запах чувствовал только один – аромат дыни, которую он прижимал к груди. Этот аромат поразил его, когда он шел через базар. Ему вдруг показалось, что он чувствует ее запах. Он начал озираться и увидел спелые дыни, которые источали этот аромат. Это открытие удивило его: значит она пахнет спелой дыней? Но не совсем дыней. Что-то еще, что-то терпкое вроде полыни присутствует в ее запахе. Но и одной дыни было достаточно, чтобы его воображение улетело прочь от базара, от порта и от пестрой толпы, сквозь которую он шел. Он воображал, как потом, после всего опустошенные и голодные они набросятся на эту дыню и будут насыщаться ее маслянистой, медовой плотью. Как сладкий сок будет капать с ее подбородка на...

- Платон-он! – вдруг донеслось до его сознания сквозь его грезы и шум толпы. Он оглянулся и увидел бегущего к нему Пирра. Он как всегда сиял улыбкой до ушей.

- Платон! Ты ли это? Я кричу, кричу, а ты идешь мимо! Я уж думал, что ошибся!

- Хайре, Пирр! Рад тебя видеть!

- А я то как рад! Ну что, как твой элизиум? Продвигается?

- Да, все хорошо идет. У меня уже тридцать учеников, а будет еще больше. Они усваивают мои идеи и, надеюсь, скоро начнут их воплощать в жизнь.

- Я рад за тебя! Ты не поверишь, но я уже заработал на твоих идеях!

- Как это?

- А думаю, если Платон так популярен в Сиракузах, захвачу-ка я несколько его рукописей из Афин и попробую предложить их здешней публике по сходной цене. Заказал переписчику шесть экземпляров твоих диалогов по десять драхм за каждый. А тут на агоре только крикнул «Кому диалоги Платона?», так у меня их чуть с руками не оторвали. Теперь жалею, что мало запросил – отдал по три мины за штуку. А мог бы свободно и десять мин взять! Вообрази, Платон, тобой торговать выгоднее, чем тирским вином!

- А сам-то ты их читал?

- Когда? В море не до того – со мной ведь не было потомка Посейдона! Да и не для меня вся эта философия, я же тебе говорил. Я лучше зарабатывать буду на твоей философии, это у меня получается. В следующий раз десять мин вложу в твои

рукописи, но уж заработаю так заработаю! – и он довольно захохотал. И сразу тут же без перехода серьезно спросил:

- А что, Дионисий, не обижает?

- Нет, что ты!

- А ты его?

Платон вздрогнул от неожиданного вопроса. А Пирр внимательно посмотрел ему в глаза и, оглянувшись, понизил голос:

- Значит правду болтают. Я в Сиракузах только два дня, а уже наслышан о твоей жизни. Это конечно не мое дело, но послушай совет опытного человека: тебе нужно бежать из Сиракуз немедленно! Подумай, если я знаю о твоём любовном приключении, то Дионисий уж точно знает. А он никому не прощает своего унижения. Пойми, ты приговорен, а исполнение приговора просто отложено до удобного момента. Беги, не раздумывай, я помогу тебе. Давай сегодня ночью под утро, когда в порту все спят, бери свою женщину и ко мне на борт. Я доставлю вас в Коринф. Там, в метрополии, он вас не достанет. Ну, решайся!

- Я не могу оставить своих учеников, свое дело на пол-пути. И я думаю, что ты преувеличиваешь опасность ситуации...

- ... это ты ее недооцениваешь! Ладно, как знаешь. Но знай, что рыжий Пирр будет оплакивать тебя, если тиран наложит на тебя свою лапу. Прощай!

- Прощай, Пирр! И спасибо тебе за заботу!

Они обнялись. Платон начал подниматься в гору, опустив голову и раздумывая над словами Пирра. Вдруг как-будто что-то толкнуло его в спину, он оглянулся и увидел маленькую фигурку с широко расставленными ногами на фоне снующей пестрой толпы. Платон поднял руку и помахал ему, уже чувствуя, что больше с ним никогда не встретится...

... Все было именно так, как он себе воображал: голая Атлантида ела дыню, шумно втягивая в себя сладкий сок. Запах дыни смешивался с запахом ее тела и дурманил его сознание. Он забыл есть, а может быть и дышать. Она взглянула на него и улыбнулась:

- Ну и глупое же у тебя выражение лица. Давай поговорим о чем-нибудь умном, может ты снова станешь похож на философа.

- О чем?

- Ну, например, о том, как ты собираешься в своем идеальном государстве предотвратить борьбу и склоки внутри сословия стражников?

- Так, как это делают в Спарте,

- Значит, они не должны иметь собственности и должны жить вместе?

- Конечно,

- И ты думаешь, что им уже не из-за чего будет соперничать?

- А из-за чего?

- Да из-за женщин, конечно! Всякое мужское соперничество в конце концов сводится к борьбе за женщин – вспомни хотя бы Троянскую войну,

- И женщины у них должны быть общими,

- Ах так? А у женщин ты спросил?

- Что?

- А то самое: захотят ли они быть общими. Ты, философ, забываешь или не понимаешь, что если женщина чего-то не хочет, то заставить ее это сделать невозможно. Но если она чего-то захочет, то ничто не остановит ее на пути к этому. Так что твое идеальное общество споткнется о женщину,

Платон явно растерялся:

- Я не думал об этом так... Но вот что я хочу тебе рассказать, и мне кажется, что это как-то связано с тем, что ты говоришь о женщинах.

И он рассказал ей о том видении, которое было у него в предвечерний час на Тире. О тех счастливых женщинах и мужчинах, которых он видел.

- Понимаешь, я видел это своими глазами, и я понял, что такой мир возможен, такая гармония в отношениях между людьми возможна. Иначе бы я не взялся проповедовать свое идеальное государство среди молодежи.

Атлантида внимательно слушала его, сосредоточенно обдумывая при этом какую-то мысль. Наконец глаза ее победно засверкали и она обрушила на Платона взволнованный поток слов:

- Как же ты не понял, философ, что ты увидел?! Может быть потому и не понял, что ты мужчина. И не столько потому что ты сам мужчина, а потому что весь наш мир мужской. Это мир агонистов, вся жизнь наша подчинена соперничеству, каждый хочет быть лучше другого и только победу ценят в нашем мире, а побежденного презирают. Да ведь ты сам олимпийщик и знаешь это.

- А разве где-то жизнь устроена иначе?

- Она когда-то была устроена иначе, и боги дали тебе увидеть эту жизнь собственными глазами. Ты не понял, что увидел женский мир. Потому что только в женском мире голые мужчины и почти голые женщины могут спокойно ходить и улыбаться друг другу. Эта та самая апатейя и атараксия, которую ты проповедуешь, но она не имеет отношения к философии, потому что в женском мире философии нет и быть не может. Искусство может, а философия – нет!

- Но почему?

- Да потому что философия – это порождение того же агонизма, это спорт ума, который придумали мужчины, чтобы быть победителями и награждать себя женщинами.

- Все что ты говоришь, звучит очень странно, но мне кажется, что ты нащупала что-то существенное.

И он рассказал ей об искусстве страны Кефтиу, с которым познакомился в Египте. Она в восторге захлопала в ладоши:

- Ну вот же, вот! Это же искусство женского мира! Это его темы и образы. Сравни его с темами нашего искусства – битвы, соревнования и эротика, это то, что интересует мужчин, но это неинтересно женщинам.

- Тебя не интересует эрос?

- Меня интересует эрос, но не его изображение в искусстве. Пойми, мир женщин – это мир без агонизма и насилия,

- Но ведь мужчины всегда склонны к агрессии и агонизму. Каким же образом женщинам удавалось его сдерживать?

- Не знаю, теперь вряд ли кто-нибудь сможет это понять... Но вот, что я вспомнила: Гомер в «Одиссее» рассказывает о лотофагах, которые питались плодами лотоса, дававшими им забвение. Может быть это и есть воспоминание о том способе, которым женщины властвовали над мужчинами в золотом веке?

- Жить в наркотическом бреде? Нет, этот мир не для меня!

- А жить в насилии и вечных войнах – этот мир для тебя?

- Нет, поэтому я и ищу путь к созданию нового мира при помощи философии,

- Ты не понимаешь, что счастье и философия несовместимы – тут или то, или другое, потому что философия – это порождение того же агонистического мира, а счастье предполагает забвение агонизма.

Они помолчали. Атлантида налила себе вина и в задумчивости сделала глоток:

- Мне кажется, что ты на неверном пути. Я о способе устройства твоего мира говорю.

Ты путаешь причину и следствие,

- Как это, в чем?

- Ты предполагаешь основой своего идеального государства сословие философов, а правитель у тебя это всего лишь избранник этих философов. А на самом деле все наоборот.

- Что значит наоборот?

- А вот послушай, - она еще отхлебнула вина, - Хронос – это старик, который все портит, все в мире портится от времени. Любые человеческие общества вырождаются: золотой век сменяется железным, демократия вырождается в охлократию, аристократия превращается в олигархию, власть царя оборачивается властью тирана. Да и сами тираны деградируют: Дионисий еще умный тиран, а придет к власти его отпрыск, тогда всем мало не покажется. А что нужно философам? Им нужна надежная крыша, лет на сто по крайней мере, чтобы они могли передавать свои знания ученикам в уверенности, что завтра этих учеников не казнят или не пошлют на очередную бойню. Философам нужно, чтобы кто-то усмирил Хроноса! А это может сделать только твердая царская власть, передаваемая по наследству, легитимная власть, божественное право которой признают и охлос и аристократия. Понимаешь, к чему я клоню?

- Не совсем...

- Ты же царского рода, ты Посейдонид, у тебя по праву твоего рождения есть то, о чем мечтает Дионисий и чего он никогда не получит, потому что сделать небывшее бывшим не может никто, даже боги. Ты популярен на агоре, ты популярен среди аристократов, детей которых ты учишь. А Дионисий – выскочка, его аристократия не уважает, поэтому он все время вынужден заигрывать с охлосом. Хочешь, я за две недели подготовлю общественное мнение в Сиракузах и народ тебя провозгласит царем? А я рожу тебе наследника и ты создашь династию Платонидов, образованных покровителей философии и всяческой учености. Это и будет реальным способом построения твоего государства философов.

- Нет, нет... Это не для меня. Я не царь, я философ. И потом, я не могу отплатить Дионисию такой черной неблагодарностью: мало того, что я сплю с его женой, так еще и власть у него забрать. Нет, это невозможно.

- Только это и возможно, философ! А твои проекты – это пустое, это для папируса. Она горко усмехнулась и потрепала его по волосам:

- Эх ты, философ. А знаешь, напиши сказку о некоем острове, на котором люди живут в идеальном полисе...

- ... и я назову этот остров Атлантидой...

- ... ну пусть будет Атлантида, пусть и это ляжет на мои хрупкие плечи. Твою сказку будут читать по всей Ойкумене. И однажды ее прочтет какой-нибудь потомок царя, и может быть он случайно окажется философской натурой и захочет осуществить твой проект. Вот тогда, может быть...

Она не договорила, задумалась, потом вдруг как-будто о чем-то вспомнила, допила вино из чаши и начал одеваться.

- Ты уже уходишь?

- Да, пора, уже солнце садится,

- Завтра придешь?

- Конечно, чего ты спрашиваешь?

- Не хочу, чтобы ты уходила,

- Увы, единственный способ быть со мной постоянно ты отверг, так что нам остаются только такие вот свидания.

Она обняла и поцеловала его. Платон проводил ее до выхода из дворика. Ее «Гелиайне» еще висело в вечернем теплом воздухе, когда его что-то толкнуло в спину, как тогда во

время прощания с Пирром. «Нет, нет...», - отогнал он от себя непрощенную мысль и вернулся в дом.

В огороде все еще копался трудолюбивый ветеран...

... – Дионисий.., Дионисий проснись.., - Афраний бесцеремонно тряс его за плечо. Дионисий с трудом продрал глаза, в окне светили яркие звезды, комнату освещал тусклый светильник.

- Ты с ума сошел? Еще ночь,

- Ты сам приказал сообщить немедленно, если что. Сообщаю: это случилось,

Дионисий сбросил с себя одеяло и сел на ложе. Сон сразу слетел с его лица:

- Кто сообщил?

- Садовник, мой надежный человек,

- Подробности?

- Она предложила совершить переворот и провозгласить царем его. Срок две недели,

- Что он?

- Отказался, сославшись на то, что он философ,

- Ну, сегодня отказался, а завтра подумает и согласится. Нет, надо кончать с ним!

- Я прикажу Садовнику и он его зарежет по-тихому,

- Ты с ума сошел?! – вскричал тиран, - Не вздумай! Не хватало, чтобы на меня повесили славу убийцы философов. Нет уж, пусть она остается за Афинами. Утром арестовать его и проводить в тюрьму. Завтра же осудить по обвинению в государственной измене. Решение суда немедленно доставить мне. Потом я решу как поступить с ним дальше. Исполняй!

- Слушаюсь, игемон!

Начальник стражи вышел. Дионисий сидел на ложе и качал головой:

- Да, если за дело взялась моя женушка, то я даже до порта добежать не успею. А она?

Тут он не на шутку испугался, но успокоил себя очевидным доводом:

- Она не захочет его смерти и с ней можно будет договориться...

... На следующий день он вошел в ее покои с взволнованным выражением на лице и со свитком в руках.

- Вот, взгляни, Атлантида, Платона приговорили к смерти за измену. Попытка переворота – это не шутка!

Она вскочила, как разъяренная пантера, и зарычала на него:

- Прекрати балаган, Дионисий! Ты не в народном собрании. Что ты хочешь за жизнь Платона?

Лицо Дионисия сразу приобрело деловое спокойное выражение:

- Ты должна поклясться у алтаря Афины, что не предпримешь попытки сбежать от меня. А я сохраню ему жизнь: я заменю своим указом смертную казнь на продажу в рабство...

– подожди рычать! Не перебивай... на продажу в рабство. Я поручу его спартанцу Поллиду, который прибыл за пленными карфагенянами. Он отвезет его на Эгину и даст знать о нем его ученикам в Мегарах. Они привезут выкуп и Платон будет свободен,

- Поклянись!

- Что б я сдох!

- Ладно, я останусь с тобой. Но если с Платоном что-нибудь случится, тебе не жить – ты меня знаешь.

Дионисий невольно поежился: «Надо подробно проинструктировать этого дурака Афрания, чтобы он нечаянно не проявил рвения»...

Афраний явился вечером для ежедневного доклада. Дионисий дал ему четкие инструкции, которые тот неукоснительно выполнил. Через два часа он принес Дионисию деньги от Поллида – плату за Платона.

- Интересно, сколько там? – спросил Дионисий, кивнув на кошель с деньгами.

- Тридцать тетрадрахм,

- Гм, немного за выдающегося философа. Ну да с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Афраний протянул ему кошель.

- Нет, нет, я не прикоснусь к этим деньгам. Сдай их в городскую казну. Мы потратим эти деньги на нужды образования нашей молодежи.

Оставшись один, он подошел к краю портика, посмотрел на море и произнес с облегчением:

- Ну вот, философ! Как ты там говоришь: «Философия – это обратное плавание»? Вот ты и отправился в свое обратное плавание. В железном ошейнике!

... Через две недели корабль прибыл на Эгину, на которой мы когда-то ночевали с Пирром по пути на Тиру. Грустно было вспоминать об этом в моем новом положении. Капитан-спартанец сдержал свое слово, послал известие в Мегары. Вскоре оттуда прибыл Анникерид Киренский с деньгами и выкупил меня. Я вернулся в Афины, купил рощу Академа, в которой ты теперь и преподаешь,

- А с ней ты больше никогда не встречался?

- Нет, никогда, - Платон опустил голову и замолчал...

Глава седьмая: Коринф

Я был в Коринфе пятнадцать лет назад и мало что осталось в моей памяти от развалин этого города. Помню только ощущение жуткой жары и жажды на площади раскопанной агоры и несколько колонн храма Аполлона на фоне двугорбой горы, царящей над всем пейзажем. И помню холод подземелья и вкус сводящей зубы воды из источника Пирене – строения с арками и галереями, в котором тысячи лет течет и сочится по каменным стенам чистейшая вода.

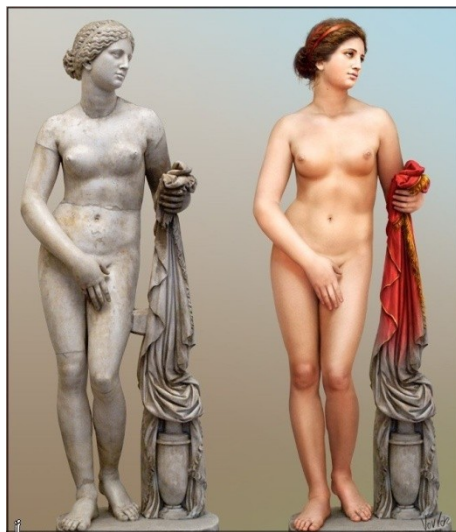
Коринф – город контрастов. Эта затертая формула очень подходит к этому городу. Сама природа в этом месте соединила несоединимое. Два моря – Ионическое и Эгейское тысячи лет лижут тонкий Истмийский перешеек, но так и не смогли одолеть сушу. Две

суши – Балканы и Пелопонес – кажется вот-вот сольются воедино, но море для них остается непреодолимым. Море как-будто изнемогло в этой борьбе и застыло у перешейка в виде тихой лужи Коринфского залива. Коринф оперся затылком на перешеек и смотрит в даль Ионического моря, на берегах которого он щедро рассеивал свои семена. Из них выросли знаменитые полисы Великой Греции и Сицилии. В их числе и Сиракузы.

Коринф был городом для богатых. О нем говорили: «Не всякому дано побывать в Коринфе». Но рабов в нем было больше, чем свободных граждан. А еще в нем была знаменитая школа гетер, которая готовила профессионалок для всего греческого мира. Их так и называли «коринфские девчонки». На той самой двугорбой горе Акрокоринфа был храм Афродиты, где служили сотни гетер, бесплатно даривших свои ласки всем пришедшим в храм. «Гостеприимные девушки, слуги Пейто и пышного Коринфа» (Пейто - эпитет Афродиты), как писал Пиндар. И вот этот город наслаждений стал главной базой проповеди христианства апостолом Павлом. Вот тут на агоре он и проповедовал с этой каменной трибуны-бимы. Когда стоишь здесь, то кажется, что слышишь через века этот удивительный гимн любви из Первого послания к коринфянам: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится». И видишь, как приходят горожане его послушать, а потом идут на гору в храм Афродиты за бесплатной любовью. Но прошли века и на месте храма Афродиты встала церковь, а потом мечеть, а теперь там только камни. Что это значит? А то, что уже давно было сказано Экклезиастом:

«Всему свой час, и время всякому делу под небесами:
...Время разрушать и время строить,
...Время разбрасывать камни и время складывать камни,
Время обнимать и время избегать объятий,
...Время любить и время ненавидеть».

Глава восьмая: Молчание Платона

- ...А пытался?

- Пытался... Десять лет назад, когда умер Дионисий, я снова отправился в Сиракузы. На этот раз по приглашению младшего Дионисия, который начал править там под руководством своего дяди Диона. Ну а тот, конечно, во всем слушался советов своей умной сестры. И Дионисия это страшно бесило. Он и так ненавидел свою мачеху, а тут он оказался в полной от нее зависимости. Вот и решил от нее избавиться, гаденыш. Когда я приплыл в Сиракузы, ее уже не было.

- В Сиракузах не было?

- Нигде уже не было. Атлантиду поглотило море, как это и написано в моем диалоге «Критий», - горько усмехнулся Платон, - Дионисий настоял на том, чтобы Атлантиду отправить в ее родные Локры, и Дион был вынужден согласиться на это. В сопровождение ей дали некоего Актеона, из моих бывших учеников, между прочим.

- Это тот самый племянник начальника стражи?

- Он самый. И между прочим тоже начальник стражи уже при Дионисии младшем. И стал он им сразу после возвращения из Локр. Видимо за заслуги. Актеон утверждал, что Атлантиду смыло волной с корабля во время шторма. Но Дион ему не поверил. Он начал свое расследование, разыскал капитана, нашел некоторых моряков с этого корабля. И ему стало ясно, что Атлантида погибла не без помощи Актеона. Он прижал его наедине, и тот признался, что выполнял приказ Дионисия. Дион, опираясь на моих бывших учеников, попытался свергнуть власть Дионисия, но потерпел неудачу – охлос выступил на стороне тирана. Заговорщикам пришлось бежать в Коринф, а вместе с ними и мне, как их бывшему учителю. Вот и вся история об Атлантиде...

Платон замолчал, глядя на море. Аристотель встал и начал ходить взад и вперед по пляжу вдоль линии прибоя. Он явно был взволнован рассказом Платона. А Платон, не обращая на него внимания, погрузился в воспоминания...

... Платон вышел из храма Аполлона и спустился по ступеням на агору. Была лунная ночь. Луна висела прямо над Акрокоринфом, заливая своим мертвящим светом раскинувшийся под горой город. Все, что было освещено, казалось парило в сияющей дымке. А все, что находилось в тени, не существовало вовсе. Редкие прохожие внезапно появлялись из черного ничто, как из бездны аида, и в нем же исчезали. А в свете ночного солнца они походили на тени мертвых. Платон медленно шел по агоре и думал о ней: «Конечно, ее душа бродит где-то по полям асфodelий, но любовь без живого тела любимой – это какой-то антиэрос, в который по каплям вытекает моя жизнь». Он остановился у каменной трибуны-бимы и присел на ее край. Тишина, прерываемая стрекотом далекой цикады, повисла над площадью. С горы Акрокоринфа стекал прохладный воздух, казавшийся в свете луны прозрачным покровом, сброшенным с себя Селеной. Светящаяся ткань медленно опускалась на город, а когда она достигла агоры, Платон вдруг услышал голос. Точнее, не голос, но слова, которые ясно прозвучали в его голове: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится». «Как ты сказал?» - хотелось переспросить, но кого? Что это было? Он растерянно огляделся вокруг. Никого нет, город спит. Только вдали, на Акрокоринфе, мерцает теплый огонек храма Афродиты. Платон вскочил и быстрым шагом направился туда, к богине любви, не совсем еще понимая, зачем...

... Посредине храма стояла статуя Афродиты работы Праксителя. Ее освещали два светильника у ее ног. Без постамента, она была почти одного роста с посетителем, что устраняло между ними всякие барьеры. Дрожащее пламя светильников отбрасывало подвижные тени на лицо богини. Лицо казалось живым, только выражение его непрерывно менялось - оно то хмурилось, то улыбалось. Перед статуей на треножнике тлели угли в курильнице. Рядом стояла миска с благовонной смолой. Платон взял из

миски щепотку благовоний и опустил ее в курильницу. По храму поплыл сладкий и тревожный аромат. В это время кто-то притронулся к его плечу сзади. Он оглянулся и вздрогнул: перед ним стояла живая Афродита, такая, которую наверное и видел Пракситель. Она улыбнулась ему дежурной улыбкой и произнесла заученную фразу: - Хайре! Приветствую гостя богини! Если ты пришел к ней обрести радость или развеять печаль, можешь пользоваться для этого моим телом, которое служит богине. Потом она взяла его за руку и повела за собой в одну из коморок, лепившихся к стенам храма за колоннами. «Как в борделе», - подумал Платон, - «Да ведь это и есть, по сути, бордель, только бесплатный. А это значит дежурная гетера. Молоденькая, совсем девчонка. «Коринфская девчонка». Красивая. Ягодицы как спелые яблоки. И груди с той же яблони». Девушка приподняла рукой занавес на дверном проеме одной из коморок и пропустила гостя внутрь.

Коморка едва вмещала ложе, покрытое все повидавшим одеялом. В углу стоял кувшин с водой в тазу для омовений, в нише горел масляный светильник. Окон не было совсем. Гетера усадила Платона на ложе, а сама осталась стоять перед ним, давая ему рассмотреть ее во всех подробностях. Ее серые глаза смотрели на него с любопытством:

- Ты не похож на коринфянина, да и в храме я тебя раньше не встречала?

- Я афинянин и в Коринфе недавно,

- Афинянин? И видимо не простой афинянин? Кто ты по жизни?

- Я философ,

- Ну вот, философ, - сказала она разочарованно, - а я уж подумала, что ты какой-нибудь важный начальник в Афинах. И что же привело философа к Афродите – то же, что и всех, или что-то особое, философское?

- Наверное особое. Вот ты сказала, что твое тело служит богине. Это значит, что во время этого служения твое тело становится телом Афродиты, это так?

- Именно так, философ! Если бы это было не так, я бы не выдержала того потока похотливых самцов, который проходит через меня за день. А за месяц! А за год, который я должна отслужить здесь? Но богиня в моем теле всех принимает легко!

- Тогда может быть ты мне сможешь объяснить то, что я услышал сегодня ночью...

- .. услышал от кого?

- ... не знаю, никого не было на агоре, а я услышал голос, который сказал: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится». А как может любовь не перестать, если ты потерял любимую женщину? Если ее больше нет на земле?

- И ты с этим пришел сюда, в храм?

- А куда еще я мог с этим прийти?

Гетера присела возле Платона и нежно погладила его по голове, как мать гладит по голове маленького мальчика. Только мать была совсем еще девочка, а в бороде у мальчика уже было полно седины.

- Это богиня тебя привела сюда. Не сомневаюсь в этом. И мне все совершенно ясно, потому что я сейчас и есть Афродита. То что ты услышал означает, что твоя любимая, которая бледной тенью бродит в аиде, не забыла тебя, испив воды из Леты. Она обратилась к Афродите с просьбой передать тебе ее любовь. И Афродита выполнила эту просьбу: она передает тебе эту любовь через мое тело, которое сейчас и есть тело самой богини. А значит оно же есть и тело твоей возлюбленной.

Она притянула его голову к своему плечу. Он ткнулся неловко в ее ключицу и вдруг почувствовал знакомый запах – запах дыни, смешанный с запахом полыни. И заплакал. Он плакал горько, бенадежно, навзрыд, плакал так, как не плакал наверное с самого детства. А она гладила его по голове и что-то ему шептала на ухо. Он не разбирал ее слов, но это было и не нужно. Ему было хорошо и спокойно, боль выходила из него и

он снова начинал жить. Любовь действительно не перестала и в эту ночь он снова любил свою Атлантиду в теле служительницы Афродиты...

... Платон проснулся от звука текущей воды. Он открыл глаза и увидел как гетера моется над тазом, поливая себе из кувшина. Какое прекрасное зрелище! Он лежал и улыбался. Она заметила, что он на нее смотрит и тоже улыбнулась ему:

- Как твое имя?

- Платон, а твое?

- Археанасса,

- Ты из школы гетер?

- Да, я здесь на практике. Мне осталось еще два месяца отслужить, потом получу диплом и покину наконец этот город жирных торговцев,

- Куда же ты отправишься?

- Куда-нибудь в культурные центры, в Фивы или в Афины. Мы с подружкой думаем поехать в Фивы. Если работать вдвоем, то за пол-года можно будет купить свой дом, а то надоело по общагам ютиться,

- В Фивах вы много не заработаете,

- Почему?

- Там андрофилов много. В Фивах даже городской гарнизон состоит из ста пятидесяти пар любовников. Я не знаю, как они хотят напугать врагов такими защитниками?

Может враги должны умереть от зависти, глядя на них?

Археанасса звонко рассмеялась, блеснув зубками. Платон невольно залюбовался ею.

- Ну что ж, остаются только Афины, - сказала она уже серьезно.

- И верно, приезжай в Афины. Я помогу тебе устроиться на первых порах. Ты найдешь меня в роще Академа, там находится моя школа. И я создам тебе рекламу среди моих учеников.

- А они не андрофилы, случайно?

- Разве что некоторые, но их немного. Но у философов есть другой недостаток.

- Какой еще? – настороженно спросила она.

- Они любят поговорить о философии после занятий эросом. Так что тебе придется заняться своим образованием, чтобы соответствовать клиентам.

- Этого еще не хватало!

- А что, у тебя есть еще два месяца в запасе. Почитай диалоги Платона, например.

- Это же, наверное, очень сложно?

- Не сложнее нашего с тобой ночного разговора, поверь мне,

- Ну ладно, так и быть, запишусь в библиотеку, - сказала она что-то прикинув в уме.

Потом взглянула на него лукаво:

- А ты будешь ко мне приходить в Афинах?

- А я к тебе уже пришел.

Археанасса удивленно подняла брови, потом скользнула взглядом по его телу и недоуменно спросила:

- Ты что, еще хочешь?

- Хочу, - просто ответил Платон.

- Ну вот, а я только помылась, - сказала она недовольно. Но тут же махнула рукой, - А ладно, богиня отказывать не велит.

Она вытянулась на ложе рядом с ним и раскинула руки:

- Иди в свою Атлантиду...

Платон молча смотрел, как Аристотель мерит своими журавлиными ногами маленький пляж, зажатый между скалами – семь шагов вправо, семь шагов влево. Потом снова и снова. Он был полностью поглощен какой-то глубокой мыслью и не замечал вокруг себя ничего.

«Интересно, о чем думает сейчас этот перипатетик. Что его могло так зацепить в моем рассказе. И вообще, зачем я ему все это рассказал? Старческая болтливость...», - Платон снова начал что-то чертить прутиком на песке.

А Аристотель в это время думал: «Боги, боги, почему вы так несправедливы! Ну почему эта женщина встретила этому недотепа, а не мне? Ведь он даже не способен был понять, что за сокровище ему досталось. Похотливый сатир! Если бы я был на его месте, Сиракузы уже давно были бы философским центром Ойкумены. Ведь она была абсолютно права, она все точно рассчитала, а этот фантазер и болтун все упустил, все профукал...» Он внезапно остановился и повернулся к Платону, глядя на него так, как будто только что обнаружил его присутствие здесь. Мгновение он еще был в нерешительности, потом подошел к учителю и сел на свой камень. Он даже протянул руку вперед, обозначая важность того, что он хотел сказать:

- Платон! Она была права, абсолютно права!

- Кто?

- Атлантида. Когда она говорила тебе, что только наследственная царская власть может обеспечить устойчивое существование философского сословия в государстве. Я сам много думал об этом последнее время. Послушай! Я не собирался кому-либо доверять эту свою тайну, но твой рассказ вызвал меня на откровенность. Откровенность за откровенность. Я знаю, что сказанное здесь останется между нами. От этого зависит успех того, что я задумал.

Он волновался, глаза его сверкали. Платон никогда не видел своего скептического ученика таким. Он молча кивнул ему приглашая к разговору.

- Она сказала, что надеяться можно только на то, что какой-нибудь потомок какого-нибудь царя случайно окажется философской натурой и начнет собирать философов под свое покровительство. Но такого случая можно ждать очень долго и так и не дожидаться. Не должен ли философ взять на себя роль этого слепого случая?

- Что ты имеешь в виду?

- Сейчас объясню. Ты знаешь, что мой отец был врачом при македонском царе Филиппе. А сейчас при Филиппе находится мой дядя Проксен, который имеет известное влияние на царя. Филипп создал самое могучее войско в мире, его фаланга движется на юг и в этом году ему сдались полисы Абдера и Маронея. Я думаю, что участь Эллады решена, очень скоро она вся подчинится Филиппу.

- Тебя это радует?

- Это важный элемент моего плана! Эллада подчинится Филиппу, а Филипп подчинится мне!

- То есть?

- Год назад у него родился сын Александр. Лет через десять ему понадобится учитель. Мой дядя Проксен уже начал обрабатывать царя, рекомендуя ему меня на эту должность. И думаю, что Филипп в конце концов согласится с этим. И вот тогда я создам своего царя! Я конечно же дам ему образование, я сделаю его большим эллином, чем сами эллины. Он будет знать Гомера наизусть. Я разбужу в нем тщеславную мечту стать вторым Ахиллесом и, дергая за эту веревку, я направлю его вместе с его фалангой на Персию. Он прокатится по всей Азии как ураган и дойдет до Египта, и там станет царем – божественным фараоном! И вот тогда я его руками подниму твою сказочную Атлантиду со дна моря. Да, именно там, в Египте, на берегу моря мой царь построит город, в котором он соберет лучших философов Ойкумены. В этом городе соединятся мудрость эллинов и древние знания египетских жрецов. Мой царь построит Мусейон, как у тебя в Академии, только огромный, с самым большим собранием рукописей в мире. В этот Мусейон будут приезжать учиться талантливые юноши со всей Ойкумены. Но, главное: в этом же Мусейоне будет с детства воспитываться наследник престола. Так философы станут изготавливать для себя нужных им царей, одного за другим, на протяжении веков... Как тебе мой проект? – спросил он уже тихо, опустив глаза. Платон молчал, потрясенный услышанным: «Неслыханный цинизм, соединенный с высоким идеалом! Ай да Аристотель, ай да сукин сын!»

- Знаешь, если бы я все это услышал от кого-нибудь другого, я бы считал его пустым болтуном и фантазером. Но в тебе есть такой прагматизм и такое упрямство, что ты сможешь все это осуществить. Я верю в тебя! Знаешь, Атлантида одобрила бы твой проект».

Аристотель вспыхнул, глаза его сверкнули, он едва сдержал победоносную улыбку на своем лице. А Платон в очередной раз удивился: «Как, неужели и он?... Какая все-таки женщина!»

Между тем солнце уже клонилось к закату. Чайки уgomонились, птицы в зарослях смолкли, только цикады выводили свою вечную песню. «Счастливы цикады, самки которых безмолвны...», - вспомнилась Платону строчка Пиндара. И тут же он вспомнил другое:

- Да, Аристотель, у меня же сегодня день роженья и гетера Археанасса организует симпозион по этому поводу. Прийдешь?

- Нет, уволь, я не любитель этих застолий, - Аристотель встал, отряхнул свой гиматий от песка и завернулся в него. Платон тоже поднялся с камня и двинулся по направлению к тропинке, ведущей на верх обрыва:

- А я люблю возлежать рядом с красавицей и предаваться размышлениям,

- Рядом с красавицей может быть только одна мысль...

- ... вот в этом и заключается различие между молодостью и старостью: молодость примитивнее, а старость – мудрее,

- По-моему ты, Платон, и в молодости был мудр...

- ... ты хочешь сказать, что в старости я стал более примитивен? А знаешь, я не буду с тобой спорить. Прожив жизнь, я понял, что в жизни нет ничего важнее любви. «Любовь

никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»,

- Что за странная мысль для философа?

- Это не мысль философа – это божественная мысль,

- Не от Археанассы ли ты ее услышал?

- Ты не поверишь, но это Археанасса услышала ее от меня,

- Ты обучаешь гетер философии?

- Между прочим, Археанасса прочитала все мои диалоги,

- Я бы на твоём месте не гордился этим. Вот мою Физику вряд ли прочитала какая-нибудь гетера,

- Знаешь, Аристотель, я бы на твоём месте этим не гордился. Философия должна быть понятна каждому, кто хочет ее понять,

- Это гетера Археанасса хочет понять философию? Я знаю чего она хочет...

Так, перебрасываясь фразами, они поднимались в гору друг за другом, пока не достигли аллеи кипарисов, вдоль которой уже пошли рядом. Такими их и увидел сквозь двухтысячелетнюю толщу времени великий Рафаэль, но сквозь время он не смог расслышать, о чем именно они говорили. Поэтому на фреске в станце делла Сеньятура Ватиканского дворца он изобразил обоих мудрецов с толстыми книгами в руках, дабы зритель понял, что говорили они о чем-то очень умном.

Крит, Санторин, Южная Чехия, май-июнь 2016